

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

ПО СЛЕДАМ ТАМАНЦЕВА

ПОВЕСТЬ*

Часть первая

Запад—Восток

— Ваши документы, — сказал мне сержант-крепьш, намётанным взглядом выделив меня из толпы пассажиров. Невольно подумалось: да, не очень ласково встречает гостей Москва. Хотя я понимаю, сам виноват. Сознавая, что мне предстоит долгая дорога, а в ней и иголка тяжела, я взял с собой небольшую сумку, куда положил смену белья, бритвенный прибор и диктофон. Одежда тоже по-походному: джинсы, на ногах кроссовки, на голове панамы защитного цвета, а пространство между джинсами и панамой сокрыто футболкой камуфляжной раскраски и серым жилетом.

И хотя во мне трудно признать “лицо кавказской национальности”, — документы проверяли уже дважды. Первый раз — на Белорусском вокзале. Второй — у авиакасса, куда я приехал, чтобы купить билет на самолёт до Новосибирска. Но если на Белорусском милицейский патруль сначала представился, а уж потом попросил предъявить паспорт, то околотовоздушная милиция была более бесцеремонна. Сержант повертел паспорт в руках, потом по-

---

ТРАХИМЁНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Служил в армии, работал на заводе. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института, Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Член Союзов писателей России и Белоруссии, секретарь Правления Союза писателей Белоруссии. Автор повестей и романов, не раз публиковался в журнале “Наш современник” и других изданиях.

* Журнальный вариант.

вернулся и пошёл прочь, но вдруг, будто вспомнив о чём-то, быстро возвратился назад, сунул паспорт мне в руки и, не говоря ни слова, направился далее, оценивая потенциальных пассажиров взглядом высшего судьи.

Добравшись до Ясенева, я попал в район, где на меня смотрели не так подозрительно, и это вселяло надежду на более спокойное пребывание в столице.

Весь день я пробыл у своего друга и коллеги. Мы о многом переговорили, вспоминали всех однокашников и преподавателей. И конечно, я пожаловался ему на негостеприимность московской милиции. На что мой бывший коллега сказал:

— Не хрен выражаться так, война идёт...

Что я мог ему возразить?

* * *

Я летел работать с одним из прототипов романа Богомолова и, прощаясь с другом в аэропорту, попросил его связаться с коллегами в Минске и уточнить информацию по некоему Коловратову. По непроверенным данным, он разжалованный майор “Смерша”.

— До этого он, предположительно, участвовал в операциях “Смерша” на территории современной Беларуси.

— А на Востоке почему осел?

— Спроси что-нибудь полегче. Впрочем, я тебе смогу всё объяснить по возвращении.

* * *

Всего через три с небольшим часа Ил-86 доставил меня из столицы России в Толмачёво — аэропорт неофициальной столицы Сибири, и, получив багаж, я взял такси и приехал на улицу Сибирскую, 17.

— Привет, дядь Серёж, — сказала мне повзрослевшая за прошедшие годы нынешняя хозяйка квартиры Соня Самохина. — Тюфячок вас ждёт. Можете спать хоть до обеда. Если будете уезжать — ключ отдайте соседке слева. Мы с девяти на работе. Помните соседку слева?

— Помню.

— Да, кстати, как там в Белоруссии?

Деловой стиль общения современной молодёжи.

— Потом расскажу, — сказал я и пошёл в комнату, где меня ждал расстеленный на полу матрасик, который почему-то назывался тюфячком.

Выспавшись, я позвонил на киностудию. Приятный женский голос ответил, что директор задерживается, но к обеду обязательно будет.

— Распрекрасно, — произнёс я вслух, — к обеду я доберусь до киностудии.

Без четверти два я был на киностудии. Директор появился с шестым радиосигналом, извещающим о конце обеденного перерыва.

Перед выездом из Минска я звонил ему по телефону и в двух словах изложил цель своей поездки. Поэтому директор, как человек деловой, начал с главного:

— Ты привёз заявку?

— Нет, — ответил я, — до заявки ещё далеко.

— Ты полагаешь, что этот человек мог умереть?

— Всё возможно.

— Но это не беда для кинематографа, тем более документального, есть материалы, свидетели...

— Так-то оно так, но...

— Напрасно сомневаться. Москва уже требует заявок и сценариев к будущему юбилею Победы. Пока заявим, пока они утвердят...

— Съезжу, посмотрю, а на обратном пути всё детально обсудим. Заявку ведь недолго написать.

— Как знаешь, — сказал директор. — Ты не обедал?
— Я недавно завтракал.
— Это не важно, пойдём, у меня есть бутерброды и кофе.
— Я пью чай.
— Найдём и чай. Для гостей можно чего-нибудь и покрепче, а мне нельзя, я на работе.

Перебрасываясь подобными фразами, мы прошли в комнату за кабинетом, директор открыл холодильник и стал доставать ингредиенты к бутербродам, с некоей мужской эстетикой разложил их на столике на салфетках, затем заварил чай и спросил:

— Ну, как там у нас в Белоруссии?

* * *

На другой день меня ждали сплошные огорчения. Во-первых, в сумке почему-то не оказалось диктофона, а во-вторых, из Красноярска в Благовещенск не оказалось билетов на самолёт, и пришлось ехать проходящим поездом, который отправлялся только поздно вечером.

В купе, на которое указал мне проводник, спали три закутанные в одеяло фигуры, определить их пол и статус, как говорили мои коллеги-следователи, не представлялось возможным. Я забрался на верхнюю полку и попытался заснуть, дав себе обещание утром привести в порядок свои мысли и тщательно спланировать то, для чего я поехал на Дальний Восток за семь тысяч километров от Беларуси.

Коловратов

Лесок, в котором притаилась группа, только-только стал покрываться листвой, и надёжно спрятаться в нём было ещё трудно. Однако за сутки в сторону леса ни со стороны города, ни от просёлочной дороги не прошёл ни один человек, и “опасность демаскировки могла возникнуть только теоретически”. Так заумно мог оценить ситуацию только нынешний командир группы.

— Теоретически, — произносит шёпотом Коловратов, — теоретически...

Слово не вызывает у него никаких ассоциаций. “Умные все больно”, — думает Коловратов, которому иногда кажется, что его товарищи специально употребляют разные мудрёные слова, чтобы подчеркнуть разницу между собой и им.

Коловратову хочется курить, но командир группы проверил лично, чтобы никто из бойцов не брал с собой ни махорки, ни трофейных сигарет.

Командир любит порядок, его фамилия Граббе. Впрочем, это скорее всего не настоящая фамилия, а псевдоним. Наверное, он получил его потому, что в совершенстве владеет немецким: говорит без акцента и документы на немецком читает, как на родном.

Наступила ночь. Граббе выставил двух дозорных. Всё это означало, что все остальные могут немного покемарить. Правда, сон в тылу врага — это даже не сон вполглаза и вполуха. Это бред какой-то. Вроде и спишь, но всё слышишь. Наверное, подсознание, опять же выражение Граббе, не позволяет отключиться полностью, чтобы, упаси Бог, не “уснуть навсегда”.

Спустя час Коловратов слышит какое-то оживление, затем приглушённые голоса, чья-то рука толкает его. Это Трошин, впрочем, Трошин ли он на самом деле, Коловратов тоже не знает, возможно, и это выдуманная фамилия. Группа комплектовалась из кадровых “смершевцев” и прикомандированных военных, которые по каким-то признакам попали в поле зрения контрразведки и были привлечены для проведения операций.

— Пришёл, — говорит Трошин и идёт дальше, где спит ещё один боец.

Командир о чём-то перешёптывается с мужчиной в бесформенном брезентовом плаще. Это и есть тот, кого группа ждала последние сутки, — агент из местных жителей.

Коловратов не слышит, о чём говорит с ним командир, но догадывается, какое он примет решение. На базе они неоднократно отрабатывали комбинацию, которую сегодня надо будет провести в реальности. Правда, к тренировкам большинство бойцов отнеслось с прохладцей. В группе почти все в действующей армии чуть ли не с первых дней войны, и играть в войнушку понарошку считается “западлю” и даже аргументы Граббе, что это может когда-нибудь спасти им жизнь, не принимаются во внимание.

Тактика нападения проста, как берёзовые чурки, которыми когда-то молодой Коловратов топил печку в доме своей матери в Сталинске. Несколько бойцов группы затевают кутерьму возле какого-нибудь охраняемого объекта, отвлекая силы гарнизона, а основная часть решает главную задачу. Так, скорее всего, будет и на этот раз.

Продвигаясь по маленькому аккуратенькому городку, они достигли комендатуры. Командир глянул на часы. До условленного времени надо было немного подождать. Коловратов мельком увидел лицо местного. Он был бледнее смерти. Его можно понять — человек сейчас между двух огней. Не успел вовремя уйти — тебя и твоих родственников ликвидируют немцы. Пройдёт неудачно операция — попадёшь под подозрение у своих.

— Твою мать, как тяжело переносится эта неопределённость, — думает Коловратов. К тому же невыносимо хочется курить. Прав Граббе, нужно бросать это занятие совсем, а не только на время операций.

Где-то на окраине раздаётся взрыв гранаты, ему вторят автоматные очереди.

— Уже веселее...

Сейчас сработает знаменитый немецкий порядок... Часть комендантского взвода помчится на место взрывов, посты удвоятся, но это и нужно нападающим. По уставу немецкой армии у часового те же обязанности, что и у нашего: он должен не только охранять, но и оборонять пост. И если они не будут убиты в первые секунды, то потом им не дадут поднять головы, часть группы будет вести непрерывный огонь, пока другая не проникнет в комендатуру.

Группу не интересуют “языки”, это не операция армейской разведки. Задача у нее иная: документы. Под них каждый боец имеет свободный вещмешок.

Вот немцы усилили стрельбу и тем самым обнаружили посты. Вот тревожная группа на мотоциклах рванула на окраину города, где завязался бой. Значит, теперь пора и нам.

— Начали, — шёпотом произносит командир, и огонь восьми автоматов разрывает ночную тишину. Пятеро бойцов должны прикрыть трёх штурмовиков, которых ждёт комендатура. Коловратов один из трёх. Он впадает в то почти нереальное состояние, которое всегда возникает у него в бою. Граната в окна. Очередь впереди себя, и он уже в коридоре, но коридор почему-то пуст. Мелькает мысль: а не ловушка ли это? Но все становится на свои места, когда Коловратов видит дежурного офицера, который почему-то без оружия. Коловратов нажимает на спусковой крючок, поворачивается направо и выбивает ногой дверь, краем глаза видя, что его напарник то же самое делает с левой дверью. Его охватывает состояние какой-то жуткой радости, а мозг автоматически фиксирует происходящее вокруг.

На стуле в комнате — девочка-подросток с чёрным от многодневных побоев лицом. Рядом две мужские фигуры. Одна в штатском, другая — в военной форме. Военный хватается за кобуру, но его пистолет лежит на столе. Две короткие очереди. Затем Коловратов, оглядываясь на дверь, сгребает бумаги со стола, достаёт документы из открытого сейфа.

За всем этим следят испуганные детские глаза. Надо же, она ещё может пугаться!

— Сё — знаю, сё знаю, — вдруг произносят распухшие губы девочки...

— Свои, — раздаётся голос Трошина, который появляется в проёме двери, затягивая горловину вещмешка.

— Всё знает, — Коловратов кивает на девочку.

— Она говорит, что она связанная, — произносит Трошин, — пошли.

— Сё — знаю, — слышит за спиной Коловратов и бьётся головой в дверной косяк. Когда-то его за этот рост, грозную внешность и виртуозное умение стрелять взял к себе в группу Граббе.

Коловратов возвращается в комнату, берёт одной рукой девочку и, держа автомат в другой, движется к выходу. Его обеспечивает огнём группа поддержки. То, на что решился Коловратов, конечно же, нарушение всех гласных и негласных правил рейда за линией фронта. Однако никто не говорит ему об этом, не требует оставить девочку. Штурмовая тройка отходит первой. Остальные, меняясь и отстреливаясь, следуют за ней.

Уже на выходе из города в некотором отдалении заметили группу людей. Это могли быть только немцы, но они сознательно “не видят” продвигающиеся к окраине тени: лето сорок четвертого — всем выжить хочется.

Вскоре к штурмовикам присоединяется первая часть группы.

— Потери? — спрашивает Граббе.

— Макаров, — отвечает кто-то.

— Отпусти её, — говорит Граббе Коловратову, — пусть уходит.

Но ему, да и всем понятно, что девочка в таком состоянии никуда не сможет уйти.

— Оставим партизанам, — хрипло возражает Коловратов.

— Хорошо, — соглашается Граббе, — вперёд...

Группа идёт вместе с девочкой, но все прекрасно понимают, что если ситуация изменится, её придётся оставить.

Однако всё складывается как нельзя лучше. В нужную точку они выходят на рассвете. Там их уже ждут партизаны. Далее передвигаются ещё быстрее. Партизаны соорудили носилки, в которые уложили девочку. Уже на подходе к основной базе Граббе дал сигнал о высылке самолёта.

С ним отправили всё, что взяли в комендатуре, и раненую девочку. Коловратов только и смог узнать, что её зовут Настя.

Отлежавшись на базе трое суток, они пошли в новый рейд. Но то ли удача от них отвернулась, то ли немцы после нескольких нападений разгадали тактику таких операций. Рядом с комендатурой их ждала засада. А затем их ещё долго и организованно преследовали. Потеряв половину группы, они вернулись на партизанскую базу. Был легко ранен и Коловратов. Но что ему, Коловратову, такое ранение, на нём этих шрамов, как на бродячей собаке блох. Одним меньше, одним больше.

* * *

Год назад мне позвонил пограничник, который когда-то служил на границе по Амуру, но с распадом Советского Союза вернулся в Беларусь. Он попросил встречи, намекнув, что обладает уникальной информацией по спецоперациям “Смерша” на территории Белоруссии.

В то время я пытался найти материалы и свидетелей деятельности партизанской группы Шаповала. На информацию о ней я натолкнулся почти случайно. В книге “Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” нашёл несколько строк о том, что эта группа, в состав которой входили выходцы из России, оказавшиеся волею судьбы на белорусской земле, в апреле сорок четвертого пустила под откос вражеский эшелон с тремя вагонами с живой силой и 14 вагонами техники. На счету бойцов Шаповала было много других боевых рейдов и диверсий. Но написать очерк об этих людях, как планировалось вначале, не получилось: Шаповал после войны из Беларуси уехал, но в место призыва не вернулся...

С бывшим пограничником мы встретились в кафе “Узбекистан”.

— Моя фамилия Терекий, — сказал он, — я из кубанских казаков. Я видел ваши фильмы “про шпионов” и готов дать ещё одну “наколку”. Как вы к этому отнесётесь?

— Думаю, положительно, — ответил я.

— Вы читали “Момент истины” Владимира Богомолова?

— Да.

— Да как вот, в Амурской области в сорока километрах от пограничного посёлка Поярково в деревне Канино живёт прототип богомоловского Таманцева.

— А вам-то это откуда известно?

— Я служил там в пограничной комендатуре.

— А почему бы вам самому не взяться за это?

— Я пробовал, — честно признался он, — но у меня ничего не получилось.

И он достал из папки с замком-молнией три рукописных листка.

— Вот фактура по Таманцеву—Коловратову.

К тому времени я действительно был автором сценариев пяти фильмов “шпионской” тематики. Этот опыт давал надежду, что удастся справиться и на этот раз, независимо от того, жив герой или его уже нет. Просмотрев оставленные мне тексты, я окончательно решил делать сценарий.

* * *

Но как добраться до Благовещенска? Это не Москва и не Питер, куда я ездил устанавливать контакты с родственниками моих героев и самими героями. Тут всё намного сложнее, но никто ведь не отменил ещё принцип бархатающей в молоке лягушки. Той самой, которая долго молотила лапками по молоку, взбила масло и выбралась из кринки.

Начав “молотить лапками”, я почти сразу вышел на одного из своих друзей, который порекомендовал обратиться в организацию под названием “Белазсервис”: её представители часто ездили в Минск из-под самого Улан-Удэ.

— Давай, давай, — сказал мне друг, — Улан-Удэ — это почти рядом с Благовещенском, я по карте посмотрел.

И я стал искать выходы на “Белазсервис”.

Так бывало и раньше, когда я писал предыдущие сценарии, а потом искал деньги на съёмки фильмов. Всё это похоже на попытку раскрутить огромное, старое колесо, к тому же надетое на ржавую ось. Сначала эти попытки не удаются, и у тебя возникает желание бросить всё к чёртовой матери. Но наступает момент, когда ты чувствуешь: колесо стронулось с места и стало потихоньку крутиться.

Так вышло и на этот раз. Помочь мне взялся представитель “Белазсервиса”, который работал в Восточной Сибири. Звали его Александр, а вот отчество он имел редкое — Отгович. Разгадка его появления у белорусского парня не таила в себе никакой интриги: его дед, как истинный патриот своей Родины, назвал своего сына и будущего отца моего партнёра в честь руководителя экспедиции на пароходе “Челюскин” — Отто Юльевича Шмидта.

Чётко уловив суть предложения и цепко удерживая в своих руках ситуацию, Александр Отгович сразу же заявил, что представители его фирмы не ездят в Минск на машинах, потому что это неудобно и долго. Но помочь мне белорусские сибиряки могут и сделают это в рамках сотрудничества Беларуси и России.

— Если ваш журнал или какое-то издательство напишет бумагу с просьбой помочь вам съездить в творческую командировку, чтобы осветить жизнь тех, кто каким-то образом был связан с Беларусью в годы войны, наша бухгалтерия не будет иметь претензий.

И вот я мчусь, хотя к поезду, который огибает Байкал, это мало относится, по просторам Сибири на встречу с очередным своим героем.

Коловратов

Коловратов нехотя открыл глаза. Что-то щекотало в носу. Увидел рядом Коровина, который травинкой осторожно касался его лица.

— Начальство тебя зовёт, — сказал Коровин.

В госпитале Коловратов пробыл до июня сорок четвёртого, затем снова вернулся в часть. Всё это время он пытался разыскать или хотя бы узнать что-либо о судьбе спасённой им девчонки. Но всё было напрасно. Группой командовал новый командир, да и задачи у неё были иные.

Но в начале августа его разыскал Граббе, и он оказался в составе совсем уж крошечной группы из трёх человек. Третьим был радист Коровин, долговязый белобрысый парень, начавший войну, наверное, не более года назад.

— Выспался? — спросил Граббе.

— Угу, — буркнул Коловратов.

— Пойдешь со мной, — сказал командир, — Лёша нас подстрахует.

“Тоже мне, страховщик”, — подумал Коловратов.

Но ничего не сказал.

Они пошли к опушке леса, где была назначена встреча.

Коловратов знал свою роль. Он, громила-телохранитель, всегда должен возвышаться за спиной Граббе и таким образом играть окружение короля — грозное, неумолимое, беспощадное. Сам же король — аристократ, говорит тихо, но каждому его слову внимают при полном молчании.

Какой-то большой чин контрразведки, вручая Граббе медаль, назвал его полigliотом. Коловратов долго не мог запомнить это слово, пока не соотнёс его со словом “проглот”. Оказалось, что его командир “проглотил” в своё время несколько языков, в том числе и польский.

Вообще-то награды у закордонников — вещь редкая. Дают их за большие заслуги, и чаще всего посмертно. С чем это связано, Коловратов до сих пор не может понять.

На встречу пришли двое. Без преувеличения — две их уменьшенные копии. Переговорщик — маленький, холёный, в сапогах, бриджах и некоем подобии френча. Второй едва угадывался за его спиной, но угрюмым и грозным видом старался показать своё назначение и роль. На нём была кепка, брезентовая куртка, в правой руке — “шмайссер”, с каким-то шиком примотанный к предплечью кожаным ремнем. Всё это должно было, видимо, говорить о том, что он и автомат — одно целое. Но Коловратов, хотя и не учился в вузах, знает, что если человек выпячивает что-то, значит, он что-то пытается спрятать. А что может прятать эта “уменьшенная копия” Коловратова, как не собственную неуверенность?

Граббе так быстро говорит по-польски, что Коловратов не понимает, о чем идёт речь. Хотя, о чём бы она ни шла, всё было просто и ясно, как божий день. Болтаясь по лесам и выдавая себя то за жовнеров Армии Крайовой, то за некую третью силу, которая возжелала бороться с Красной Армией и Советами, они не только выявляли подозрительные группы оставшихся в тылу немцев вооружённых людей и сообщали о них руководителям операции, но и устанавливали контакты с нарождающимся бандподпольем.

Эти прощупывания, намёки, разговоры вокруг да около мог вести только Граббе. И у него никогда не было срывов. Его внутренняя аристократичность была неким знаком, который вызывал к нему доверие, помогал выглядеть своим среди чужих. Он не выглядел советским, а это первое условие не для успеха даже, а только для начала переговоров.

В разговоре Коловратов часто слышит слово “пан”. Вот и сейчас:

— Цо пан хце?

Чего хочет пан Граббе, ему ясно. А чего хочет пан Коловратов, никого не интересует. А он хочет выспаться хоть раз за всю неделю. Не мешало бы попариться в баньке, потом выпить чарку водки или, на худой конец, самогонки.

Думая об этом, Коловратов как-то выпал из своей роли. Наверное, этот птичий шипящий язык его усыпил. Шевеление в кустах он заметил с опозданием и, не целясь, выстрелил. В это же мгновение что-то рвануло его за плечо, закрутило по спирали и невыносимой тяжестью прижало к земле.

Собственно, чему было удивляться. Если их подстраховывал Коровин, то и “контактёры” должны были позаботиться о своей безопасности.

Коловратов застрелил страховщика переговорщиков, а Коровин, поскольку держал на мушке тех, с кем они разговаривали, положил их, но зацепил и Коловратова. Кто стрелял и попал в Граббе, было непонятно. Слово кто-то специально держал его на мушке и точно выполнил поставленную задачу.

Осень сорок четвёртого Коловратов встретил в 145 военном госпитале в Подольске. Госпиталь был энкавэдэшный. Размещался он в здании бывшей гимназии. И хотя до фронта было рукой подать, город бомбили редко и спускаться в подвал-бомбоубежище почти не приходилось.

Первое своё ранение Коловратов получил в Севастополе, откуда был эвакуирован в Сталинград. Однако долечиться окончательно ему не удалось. Начались бои за город, и Коловратов вместе с другими “недолеченными” ушёл воевать в десантно-штурмовые группы, которые действовали на танках.

— Коловратов, к начальнику госпиталя, — сказала сестра, заглянув в палату.

Коловратов, накинул халат и двинулся на второй этаж. Интуиция подсказывала ему, что не начальник госпиталя его ждёт. Только и дела начальнику до таких, как Коловратов.

В своих предчувствиях он не обманулся.

В кабинете начальника его ждал капитан в общевойсковой форме.

— Следователь Попатенко, — представился он.

Коловратов ничего не ответил, присел на краешек стула, чуть ссутулившись.

Попатенко по-своему оценил эту позу, усмехнулся, достал из портфеля лист бумаги, ручку и спросил:

— Что вы можете показать по делу о гибели группы Граббе?

— Да я уже всё рассказал в полевом госпитале, — ответил Коловратов.

— Я ознакомился с вашими показаниями, — сказал следователь, — и они меня не устроили.

Коловратов пожал плечами, насколько это позволяло раненое плечо.

— Вам не кажется, — начал следователь, — что такого рода провал не мог быть не связан с предательством?

— Предательством?

— Да, предательством одного из членов группы. Вы отбывали срок до войны? — спросил следователь

— Да, — ответил Коловратов.

— Почему это не отмечено в вашем деле?

— Я не знал, что такое дело есть.

— За что вы отбывали срок? Только не говорите, что за хулиганство...

— Именно за него, — сказал Коловратов.

— Пусть будет так, — согласился следователь, — и в чём же оно выразилось?

— Долго рассказывать, — недружелюбно ответил Коловратов.

— А я куда не тороплюсь, — заметил Попатенко, — и готов внимательно и терпеливо слушать...

— Подрался с командированными...

— Где?

— В Сталинске... — сказал Коловратов, вспоминая события почти пятилетней давности.

Он, хотя и работал тогда на строительстве Кузнецкого металлургического, всё-таки считался местным, так как родился и вырос в Сталинске, а всех остальных называл командированными. Стычки между молодыми людьми были не так уж редки, но на них никто не обращал внимания: подумаешь — парни подрались. Но, видимо, в тот раз начальство решило навсегда избавиться от “позорного явления прошлого” и устроило показательный процесс, под который и суждено было попасть Коловратову. Впрочем, ему всегда не везло: дерутся все, а замечают почему-то его. Наверное, в первую очередь, из-за его устрашающего вида и неумения потом, после драки, поплакаться в жилетку и покаяться.

Прояснить ситуацию я хотел ещё в Беларуси. Больно уж много нестыковок выходило с этим Коловратовым. То он служит в “Смерше”, а потом куда-то исчезает. То объявляется на Дальнем Востоке и участвует в войне с Японией, но за какие-то действия, граничащие с нарушением закона, был разжалован и уволен из вооружённых сил.

Впрочем, с теми, кто когда-то служил в разведке, контрразведке и спецподразделениях, всякое могло случиться. И Коловратов мог объявляться то там, то тут вовсе не по своей воле, а по приказу. Такие мысли роились в моей голове, пока поезд пробежал последний участок пути от Белогорска до конечного пункта — Благовещенска.

Разумеется, я не поехал за тридевять земель, не созвонившись с коллегами из Поярково. Однако в Поярково отделение УФСБ возглавлял новый человек, который слышал что-то о старике-смершисте, но новой информации к той, что я имел, добавить не мог. Да, собственно, зачем ему мне помогать? У него другие задачи и проблемы.

От Белогорска поезд шёл с опозданием, и в Благовещенск мы прибыли затемно. Я уже планировал было искать пристанище на вокзале, чтобы утром отправиться автобусом в Поярково, как высокий молодой парень, стоящий на перроне, вдруг обратился ко мне по имени-отчеству.

Оказалось — это водитель начальника Поярковского отделения УФСБ. Через минуту появился и сам начальник — молодой человек лет тридцати с небольшим.

Мы сели на привокзальной площади в машину и поехали в Поярково. По дороге я выяснил, что Коловратов в районе не значится. По непроверенным данным, родственники поместили его в дом престарелых в Белогорске. Но в Поярково живёт человек, который хорошо знал Коловратова, поскольку когда-то служил на заставе, рядом с которой находилась деревенька Коловратова. К герою-ветерану ему неоднократно приходилось возить корреспондентов.

Мы ехали в темноте и довольно быстро, но в Поярковскую гостиницу добрались только к часу ночи. Водитель называл начальника Петровичем, не стал ломать традицию и я.

— Спасибо, Петрович, — сказал ему на прощание, — как завтра?

— Водитель приедет за вами в девять, — пообещал Петрович и откланялся.

Я разобрал постель, улёгся и посмотрел на часы, пытаясь фосфорными стрелками загнипотизировать себя. Эти стрелки показывали второй час ночи по амурскому времени. Но обмануть внутренние часы долго не удавалось. Ведь в Минске было только шесть вечера. Промучившись в постели с полчаса, я встал, умылся, достал из сумки несколько листов бумаги и стал сочинять план завтрашних действий.

Коловратов

Срок Коловратов отбывал, работая на той же стройке, только уже за колючей проволокой.

— У вас, — подчёркнуто вежливо, что обычно не предвещало ничего хорошего, сказал следователь, — странный послужной список. Вы вдруг возникли в Севастополе в моряхах, потом вдруг оказались среди танкистов?

Что мог ответить ему Коловратов? Он и сам не понимал зигзагов своей судьбы. С началом войны он попросился на фронт. Его направили сначала в штрафную роту, но уже на разборке всех, у кого были небольшие сроки, и кто не имел 58-й, отправляли на фронт обычным порядком. И громила Коловратов понравился какому-то “покупателю” в морской форме.

Так он оказался в Севастополе. Его ремесленное образование пригодились, и он попал на тральщик помощником моториста.

— В Севастополе я оказался по мобилизации, — сказал Коловратов. — А после ранения меня отправили в госпиталь, в Сталинград. Тогда никто и не думал, что немцы начнут наступление на Сталинград.

— И вы оказались в рядах танкистов?
— Нет, с моими габаритами в танке не поместиться, я был в танковом десанте.

— А кто вас рекомендовал в “Смерш”? — спросил следователь.

— Меня отобрали его представители, — ответил Коловратов.

— Странно всё это, — заметил Попатенко, — с вашей биографией нельзя попасть в “Смерш”, а вы в него попали.

— На фронте биографиями не интересуются...

— Интересуются, ещё как интересуются, — не согласился с Коловратовым следователь. — Вот я, например, выяснил, что в Сталинграде при странных обстоятельствах погиб командир вашей роты.

— Там все погибали при таких обстоятельствах, — сказал Коловратов.

— Да, — поддался ему Попатенко, — но перед этим им не угрожали подчинённые...

— Я ему не угрожал...

— То и подозрительно, вы действительно ему не угрожали, но за тем, кто угрожал, стояли вы... Старый эковеский приём — сделать что-либо чужими руками. А теперь скажите, почему вы умолчали о вашей судимости и пребывании в лагере во время беседы в Сталинграде с представителями “Смерша”?

— Меня об этом не спрашивали, да и беседы никакой не было. Меня нашёл Граббе и взял к себе в охрану.

— Есть ещё более странные обстоятельства. Человек, который привёз вас в Севастополь, погиб. Ваш командир роты в Сталинграде — погиб. Граббе, после того, как взял вас к себе, тоже погиб. Как вы можете это объяснить?

— Никак, — коротко и зло ответил Коловратов.

— Правильно, — почти дружелюбно согласился Попатенко. — Однако вам придётся ответить ещё на один вопрос. Куда вы исчезли на целых двадцать четыре часа перед последней операцией в прифронтной полосе?

Коловратов промолчал.

— Но отвечать на этот вопрос вам придётся уже в другом месте.

Попатенко встал, и тут, словно этого ждали невидимые соглядатаи, открылась дверь, и вошли двое солдат с автоматами.

Попатенко поморщился:

— К чему этот театр. Мы с раненым выйдем во двор, пройдем к выходу, а вы уж потом с автоматами...

В госпитале был тихий час, и Коловратов с Попатенко подошли к машине с будкой никем не замеченными.

Пока один из конвойных бегал за его обмундированием, а затем отнесил халат, он сидел с Попатенко в будке. Потом следователь выпрыгнул наружу, а вместо него забрались солдаты с автоматами.

— Проваторов, — раздался голос Попатенко.

— Я, тащ капитан, — отозвался один из конвойных.

— Будешь за старшего.

— Есть.

Коловратов присмотрелся к своим конвоирам. Бритва ещё не касалась их лиц.

— Давно на службе? — спросил он

— Разговор-рчики, — прорычал старший Проваторов.

“И то верно”, — подумал Коловратов. Однако между тем Коловратовым, который тянул срок с тридцать девятого по сорок первый, и нынешним, впитавшим опыт спецопераций в тылу и вне тыла врага, была дистанция огромного размера. Когда машину начало качать, в голову Коловратова пришла интересная мысль. А что если при очередном качке придать телу дополнительно ускорение и перелететь на противоположную лавку, где сидел второй конвоир. Чуть придержать его автомат и ударить ногой Проваторова, а затем задавить второго. И это должно получиться, поскольку начало его движения ни у кого из конвоиров не вызовет подозрения.

“Я тебе покажу разговор-рчики”, — подумал он с некоторым злорадством и стал ждать следующей кочки или впадины на дороге.

Кто-то стучался ко мне. Я глянул на часы — была половина девятого. Петрович обещал появиться в девять.

— Да-да, — заорал я, чтобы они не подумали, что номер пуст, — сейчас открою.

Конечно же, я уснул под утро, но спал не более двух с половиной часов. Я открыл дверь. Передо мной стоял свежий, выбритый и пахнущий одеколоном Петрович.

— Извините, — сказал он, — я на полчаса раньше. Готов проводить вас на завтрак.

— Не стоит — есть я захочу только к обеду. А к выезду готов уже сейчас.

— Хорошо, — ответил Петрович, — я жду вас в машине.

Вода в кране оказалась жёсткой, мгновенно снимала мыльную пену, но я сумел побриться и не порезаться. Затем захлопнул дверь номера и с папкой под мышкой спустился вниз, где у входа в гостиницу меня ждал Петрович.

— Человек, о котором я вчера говорил, — сказал Петрович, — в двух шагах отсюда, может, начнём с него?

— Фёдор Антонович Крючков, — представился человек, о котором мы говорили вчера, когда мы зашли к нему в кабинет, расположенный с торца гостиницы, — чем могу?

Я назвал себя и спросил, не знает ли он некоего Терского, который когда-то служил здесь в погранкомендатуре.

— Знаю, — сказал Крючков, — и очень хорошо.

— Значит, я на верном пути.

— Возможно, — ответил он.

— Петрович сказал, что вы были знакомы с Коловратовым.

— Был, и довольно хорошо, но рассказывать о нём — дело неблагодарное.

— Почему?

— Много непонятного. Я полагаю, что вы должны всех послушать и сами оценить сказанное.

— А где сейчас Коловратов?

— Он в доме престарелых, во всяком случае, был там полгода назад.

— Это в Благовещенске?

— Нет, это ещё дальше, в Белогорске.

— Так, сто шестьдесят до Благовещенска и сто до Белогорска. Действительно далеко даже по меркам Сибири.

— Дальнего Востока, — поправил меня Петрович.

— Извините, совсем запутался.

— Ничего страшного, — сказал Петрович, — раз уж вы здесь, надо обработать этот участок, а потом заехать в Белогорск.

— Логично, — сказал Крючков, — мы можем начать с местного музея. Там есть материалы о ветеранах войны. Но можно съездить и в деревню, где жил Коловратов.

— Можно, — вмешался в разговор Петрович, — тем более, что мне туда надо по делу.

— Такую оказию нельзя упускать, — сказал Крючков. — Если не возражаете, я съезжу с вами, а то жена Коловратова без меня с вами говорить не станет.

— У него жива жена?

— Конечно, она же значительно моложе его.

— А как её зовут?

— Её зовут Анастасия.

— А уж не она ли...

— Коловратов говорил, что она...

— Ну, таких чудес не бывает.

— Бывает, — сказал Крючков, — и вы в этом убедитесь.

Когда все уселись в машину и она, пропегляв по улицам посёлка Поярково, выехала на трассу, Крючков, откинувшись на сиденье, спросил:

— Как там в Белоруссии?

Коловратов

— Ну, — сказал Коловратову Попатенко, — было время подумать?

— Н-да, — неопределённо отозвался Коловратов.

— Так где мы отсутствовали целые сутки перед очередным выходом на задание?

— Я был... у одной знакомой.

— Так и запишем. Это было 20 августа?

— Да.

— И где живёт ваша знакомая?

— В Лиде.

— А точнее?

— Не знаю.

— И как давно вы знакомы?

— С двадцатого августа.

— Лихо, — следователь внимательно посмотрел на Коловратова.

Коловратов промолчал, только неопределённо пожал плечами. Двадцатого августа он пошёл на рынок за самосадам. Трофейные сигареты его не устраивали. Он хотел перед операцией накуриться до одури, чтобы тошнило, — это на некоторое время избавляло от желания закурить. Он выменял мешочек самосада за пару банок немецких консервов и стал бесцельно ходить между торговыми рядами, пока не заметил полногрудую бабу, бойкую, язвкатую. Он остановился перед ней и стал бесперомонно её разглядывать. Трудно сказать, что заставило его выделить эту женщину из множества других торговочек. Впрочем, это не столь важно. Он уже давно заметил, что к определённого вида дамам его тянет, как магнитом. И, как ни странно, почти такое же влечение испытывали эти женщины к Коловратову.

— Пан офицер хочет угостить пани сигаретой? — спросила женщина с едва уловимым акцентом низким грудным голосом.

— Н-да, — Коловратов протянул ей начатую пачку трофейных сигарет.

— Пан офицер свободен?

— Н-да, — так же неопределённо сказал Коловратов.

Дама тут же стала собирать вещи с прилавка.

— Как её зовут? — спросил Попатенко, вернув Коловратова из воспоминаний в сегодняшний день.

— Лёдя...

— Это имя или прозвище?

— Имя.

Лёдя жила в домике на окраине Лиды, который был окружён палисадником. Во дворе чисто, значит, ни живности, ни кур у Лёди не было.

Они зашли в дом. Коловратов снял вещмешок и поставил на пол. Лекадия прошла мимо него к буфету, при этом она чуть коснулась гостя, от чего Коловратова мгновенно бросило в жар. Женщина достала из буфета бутылку с самогоном, поставила её на стол и тем же путём двинулась обратно. Но Коловратов не дал ей пройти. Он протянул к ней свои ручки и по тому, как она жадно потянулась к нему, понял, что её рейды за бутылку и закуской были наживкой, на которую она ловила его, а он не мог не попасться.

Из дома с палисадником он ушёл утром, пообещав прийти ещё, хотя наверняка знал, что обещания своего не сдержит.

— Так, — сказал следователь, — значит, вы дважды нарушили требования конспирации. Во-первых, ушли накануне операции на рынок, а во-вторых, исчезли на целую ночь, правда, прикрываете всё это контактом с женщиной.

— Ничего я не прикрываю, — сказал Коловратов, — я действительно был с женщиной. И я сказал об этом Граббе.

— Ну, с Граббе сейчас взятки гладки, — ответил следователь, — он расплатился за излишнюю доверчивость своей жизнью.

— А я тут при чём?

— Вас надо было отстранить от операции, операцию отменить, а Граббе не сделал этого. И мало того, он же попросил Коровина не говорить никому о том, что один из бойцов перед операцией отлучался из расположения

группы. Но самое главное доказательство вашего предательства я оглашу сейчас...

* * *

В Канино приехали через час. И весь этот час Крючков готовил меня к встрече с женой Коловратова. Делал он это как хороший сын, который намеревается показать посторонним свою не совсем психически здоровую мать.

Я не должен был обращать внимания на беспорядок в доме, если таковой будет. Не должен удивляться тому, что на один и тот же вопрос Анастасия Дмитриевна может ответить по-разному и так далее.

Канино было небольшим селом, перерезанным пополам довольно широким ручьём.

Мы крутанулись по главной улице, съехали в переулок и остановились у полуразрушенного домика. Крючков вышел первым и закричал:

— Анастасия Дмитриевна, к вам гости.

Через час мы вышли из дома жены Коловратова. Я был обескуражен. Всё, о чем меня предупреждал Крючков, произошло. Анастасия Дмитриевна путалась в показаниях, не могла пояснить, как она оказалась в Белоруссии. Крючков пришёл к ней на помощь.

— А где фото Григория Ивановича? — спросил он.

Хозяйка тут же достала из комода старую картонную папку и принесла к столу.

Крючков бросился ей помогать. Он долго возился со шпагатными тесёмками. Видя, что их не развязать, хозяйка пошла во вторую комнату и вернулась с охотничьим ножом. Уверенное движение — и клинок разрезает тугой узел. В папке несколько фотографий Коловратова в морской форме, вырезки из газет.

— Это статьи про Гришу, — говорит хозяйка.

— А где письма? — спрашивает Крючков.

— Какие письма?

— Те, что ему писал Богомолов.

— Не знаю, наверное, кто-то украл.

— Кто?

— Завистники.

— А, понятно.

На самом дне папки был свёрток, точнее, что-то завернутое в пожелтевшую от времени газету. И я, и Петрович напряглись, потому что в нём могло содержаться то, что расставляло все точки над “i”, или, наоборот, то, что ставило крест на красивой легенде о прототипе Таманцева.

Крючков стал разворачивать газету. В ней была книга Владимира Богомолова “В августе сорок четвертого” — одно из первых изданий. Я стал листать страницы в надежде найти посвящение, которое подписал автор своему прототипу, но не нашёл. Зато увидел множество подчёркиваний, которые когда-то делал Коловратов.

Они все были в главах “Таманцев”. Подчёркнуты были в основном ключевые фразы, освещающие биографию Таманцева и основные эпизоды его службы в качестве “чистильщика”^{*} и грозы “паршей”^{**}. И только в одном месте карандашом был выделен большой отрывок текста. Это было описание “дуэли” Таманцева с Павловским.

Коловратов

Ещё сутки провёл Коловратов в КПЗ — не КПЗ, гауптвахте — не гауптвахте. Это было странное сооружение: отдельно стоящий дом, что-то вроде флигеля с решётками на окнах, крепкими дверями и часовым за стенами.

* Чистильщик — сотрудник СМЕРШа, специализирующийся на операциях по очистке прифронтового тыла от диверсантов.

** Парш — диверсант, сброшенный в тыл на парашюте.

На следующий день его опять повели на допрос к Попатенко.

— Ну-с, — сказал тот, увидев Коловратова, — вот и наступает...

— Что наступает? — спросил Коловратов.

— А вы не догадываетесь?

— Нет.

— Момент истины наступает. Знаете, что это такое?

Коловратов ничего не ответил. Что такое момент истины, он не знал да и не хотел знать. А всё, что было выше его понимания, он не только не принимал близко к сердцу, но и вообще не брал в голову.

— Повторим пройденное, — сказал следователь, — вы утверждаете, что 20 августа ходили на рынок не для встречи со связником.

— Каким связником?

— Армии Крайовой, — ответил следователь.

— Не знаю я такой армии.

Следователь сочувственно покачал головой, а потом вдруг сказал:

— Не знаете и не знаете, они же не представляются?

— Не понял.

— Ну, конечно, не представляются. Да, как звали ту женщину, с которой вы провели целые сутки вне части?

— Я провёл с ней ночь...

— Ах да, всего лишь ночь... Тогда я поставлю последнюю точку в нашем расследовании.

После этих слов Попатенко встал, прошёл к сейфу, демонстративно достал папку, вынул оттуда лист бумаги стал читать:

— На ваш запрос от 30 августа сорок четвёртого года, входящий... сообщаем, что Пшебельская Леокадия Казимировна, тысяча девятьсот четырнадцатого года рождения, уроженка Белостока, проживающая в городе Лида, по улице Лесная, дом 21, нам известна. Разрабатывается нами как близкая связь “Янека”, руководителя разведпятачки в Гродно...

— Чего руководителя? — переспросил Коловратов.

— Разведпятачки, — пояснил следователь. — За сим наше следствие окончено. Вас требует под своё крылышко трибунал... Проваторов!

В комнату вошёл уже знакомый Коловратову конвоир.

— Будете сопровождать подследственного, — сказал ему Попатенко.

— Руки назад, — грозно скомандовал Проваторов, — вперёд, шагом марш.

Во дворе их ждал второй конвоир и машина. Коловратов влез в будку, за ним прыгнул второй конвоир, а Проваторов чуть задержался. В это время из дома вышел военный, звание которого Коловратов не успел рассмотреть, и скомандовал:

— Хватит одного...

— Но по инструкции... — попытался возразить Попатенко.

— Я здесь инструкция, — отрезал военный.

Проваторов закрыл дверь будки, и машина тронулась. Коловратов посмотрел на своего конвоира. Чокнулись они здесь в тылу, что ли? Оставить его один на один с этим пацаном, у которого автомат в положении “на грудь”. Да он и в первый раз мог задавить обоих конвоиров, но машину почему-то перестало качать.

Коловратов ещё раз взглянул на своего конвоира. Паренька трясло и, как догадался Коловратов, трясло от страха. Он боялся Коловратова, боялся три дня назад, когда конвоировал его с Проваторовым, и тем более сейчас. Его прямо парализовало от страха. Но не тяжёлый взгляд Коловратова был этому причиной, а что-то другое. Именно это “что-то” остановило Коловратова. Звериным чутьём он почувствовал здесь опасность ловушки.

Однако постарался сделать свою физиономию ещё более зверской. Этим он довёл конвоира до состояния шока, что в какой-то мере компенсировало его унижения в последние трое суток.

Когда-то его дед, живший в Горной Шории, брал его на лето к себе в деревню. Именно дед научил его стрелять, а вовсе не инструктора в Севастополе. От него Коловратов усвоил железное правило: чтобы всегда попадать

в цель, нужно выработать в себе чувство устойчивости. А оно не зависит от того, пятьдесят в тебе кэгэ или сто. Устойчивость — это внутреннее состояние. Устойчив ты внутри, устойчиво и твоё тело.

Ещё там, в тайге, стало появляться у Коловратова интуитивное чувство будущей удачи на охоте. Он знал, в какую цель попадёт, а по какой цели стрелять не будет.

И какое бы оружие потом ни брал в руки Коловратов, ему достаточно было сделать несколько пристрелочных выстрелов, и он словно срастался с автоматом или пистолетом. Однако пистолет он не любил. Однажды увидел, как Трошин стреляет из двух пистолетов одновременно, и предложил тому пари. Спор он выиграл, но никогда больше не стрелял из пистолета.

Перед тем пари он почувствовал, что будет победителем, а сейчас этого чувства у него не было, хотя внешне все было на его стороне.

Прошло более часа. И вдруг машина остановилась. Дверь будки открылась, и Коловратов увидел, что машина стоит в лесу. Конвоир без команды спрыгнул на землю и поменял положение автомата, взял его на изготовку к стрельбе.

Прошла минута, как вдруг раздался голос Попатенко:

— Коловратов, чего вы ждёте, выходите.

— Мне некуда спешить, — сказал Коловратов.

— Я бы так не сказал, — ответил ему Попатенко.

Коловратов немного помедлил, но потом всё же выпрыгнул из машины и не поверил глазам. Машина находилась в двухстах метрах от входа в 145-й госпиталь.

— Вот ваши документы, — сказал ему Попатенко и протянул красноармейскую книжку и аттестаты, — о наших беседах, а тем более о гражданке Пшебельской вам надлежит забыть.

Коловратов стоял неподвижно, не веря случившемуся. В это время затахтел мотоцикл и подъехал военный, звание которого Коловратов не разглядел во дворе. В коляске мотоцикла с автоматом на изготовку сидел Проваторов. И только тут Коловратов всё понял. Его дважды проверяли: три дня назад и сегодня. С доказательствами возможной вины у Попатенко не густо, вот он и решил проверить его на вшивость: дать возможность попытаться убежать и таким образом доказать его вину.

“Наверное, дырку для медалей уже крутили, сволочи”, — подумал Коловратов. Подумал, но ничего не сказал, а повернулся к машине спиной и пошёл по направлению к госпиталю.

— Счастливо долечиться, — сказал ему вслед Попатенко.

— Пошёл на хрен, — сквозь зубы процедил Коловратов.

* * *

В Поярково мы вернулись после обеда. Петрович сразу же уехал к себе, Крючков занялся своими делами, а я направился в музей, чтобы встретиться с людьми, которые когда-то собирали материалы, в том числе и о Коловратове как участнике Отечественной войны.

Музей размещался в старом здании, как мне сказали, временно приспособленном для этой цели. Оказывается, полгода назад здание музея сгорело, о чём сотрудники очень жалели, и я как гость долго и терпеливо выслушивал их сетования по этому поводу.

Мы ждали бывшую заведующую музеем, которая должна была подойти с минуты на минуты. А пока она не подошла, мне показали экспозицию.

Я осмотрел утварь, с которой переселенцы начала прошлого века прибыли на Дальний Восток, поразился тому, что почти всё, что было необходимо им для жизни и земледелия, они могли делать сами.

Молодая сотрудница, которая рассказывала мне об экспонатах, вскользь заметила, что у них есть материалы по партизанскому движению в Белоруссии.

— Как они у вас оказались? — спросил я.

— Это уже послевоенное переселение европейцев на Дальний Восток, — объяснила она, — а среди переселенцев были те, кто партизанил в Белоруссии.

Конечно, ей почему-то хотелось обратить моё внимание на этот факт, но я был заиклен на Коловратове и пропустил её сообщение мимо ушей. А сотрудница не стала возвращаться к этой теме ещё раз.

Вскоре подошла бывшая заведующая. Звали её Нина Петровна. Мы уединились в кабинете — длинном, больше похожем на коридор. Видя мое недоумение, Нина Петровна, не зная, что я уже осведомлён о пожаре, рассказала мне эту историю ещё раз, пояснив, что кабинеты сгорели и сотрудники вынуждены ютиться по бывшим кладовкам.

Потом мы поговорили о Коловратове.

— К Коловратову наши сотрудники стали проявлять интерес в середине семидесятых, — сказала Нина Петровна.

— А до этого?

— До этого он не был замечен. Конечно, он — орденосец, воевал в Севастополе и Сталинграде. Но в то время ветераны войны были ещё молоды, было их много, и всё это было в порядке вещей.

— А что подтолкнуло вас...

Моя собеседница не дала мне закончить вопрос.

— В областной газете появилась статья о Коловратове, в которой он рассказывал об участии в спецоперациях в Белоруссии.

— И вы...

— И мы не могли пройти мимо. Но когда мы стали изучать его биографию детально, у нас выявилось много нестыковок...

И чем глубже мы вдавались в детали, тем было непонятней, то ли Богомолов писал книгу после рассказов Коловратова, то ли Коловратов внимательно читал Богомолова.

— В чём это выразилось?

— Он всё время использовал несколько ключевых фраз книги. Например, “и стреляли мы их, пока не поумнели”. Или часто говорил о том, что “стрелял диверсантам в коленную чашечку”.

— И он стал вам не интересен.

— Да, но не только поэтому: последнее время он много пил, впадал в буйство, и жена не вытерпела — сдала его в дом престарелых... Я полагаю, что вы проделали такой путь совсем для другого. У нас есть дневник одного из членов диверсионной группы Шаповала.

— Вы сказали Шаповала, я не ослышался?

— Нет, не ослышались. А вы его тоже знаете?

— Я знаком с деятельностью группы Шаповала, но не знал, что он ваш земляк, поскольку в его биографии значится, что он родился и призывался в армию из Сталинграда.

— Так-то оно так, но после войны он почему-то не прижился в Белоруссии и с женой-белорусской приехал сюда. Здесь и он, и она нашли свою вторую родину. К сожалению, его уже нет с нами.

— И как выглядит этот дневник? — спросил я, представляя себе несколько листочков, похожих на те, что мне передал Терский.

— Я знала, что вы заинтересуетесь этим, — сказала Нина Петровна и открыла ящик стола. — Сам дневник в экспозиции, а это его ксерокопия.

И она протянула мне то, что по-белорусски называется шитком, а по-русски тетрадью.

“Ни хрена себе, — подумал я, — козльевичина какая-то. Надо было сорваться и проехать семь тысяч километров, чтобы найти то, что я безуспешно разыскивал в Белоруссии. Да... это тебе не из Испании в Египет перебраться, здесь расстояние раз в пять больше”.

— Мне вам её вернуть?

— Нет, можете взять с собой и распорядиться, как вам будет угодно.

После всего этого бывшая заведующая сказала:

— Что-то мы все про Коловратова и Коловратова... Расскажите, как там у вас, в Белоруссии?

Коловратов

— Гришка, Гришка, — тряс его за плечо Мордашев, сорокалетний мужик, у которого были ранения в обе руки, — расскажи, как тебя дочка генерала принимала.

Мордашев самый старший в палате и считает, что может обращаться с более молодыми без церемоний.

— Я уже рассказывал, — говорит Коловратов.

— Ну, ещё расскажи...

— Отстань, — отбивается Коловратов, но только для проформы: делать в госпитале нечего, и он опять рассказывает в лицах, как его вызвал какой-то капитан и передал приглашение от генерала, фамилию которого он называть не хочет. Коловратов поехал с капитаном, а потом оказалось, что это был вовсе не генерал, а генералова дочка. Она увидела Коловратова в госпитале и вспылала к нему любовью.

Отсутствие Коловратова в госпитале начальство “не заметило”, а ребятам в палате он рассказал историю о любовной связи с дочерью генерала. Он думал, что этим и ограничится, но его стали просить рассказать об этом ещё и ещё. И, как ни странно, Коловратов, который и матом-то ругался потому, что не мог связать трёх слов, вдруг почувствовал себя совсем другим человеком, человеком, к которому судьба относится не так, как к другим.

В госпитале он стал достопримечательностью, на него ходили смотреть из других палат. Одно было плохо — левая рука так и не восстановилась. Уже зимой его перевели в один из уральских госпиталей, а потом и совсем уволили из армии по ранению.

По выписке Коловратов уехал в Горную Шорию и целый год прожил в деревне деда. Старые таёжники парили ему руку в настое конских яблок, заставляли играть на гармошке. Точнее не играть, а нажимать на басы. В конце концов, всё это дало результат: он стал чувствовать пальцы и почти восстановил подвижность руки в суставах. В те времена такая инвалидность была счастьем: вон сколько вернулось с фронта и одноногих, и однуруких, а то и без рук и ног, “самоваров”, как называли их тогда.

* * *

Я вышел из музея и направился в отделение УФСБ, с радостью воспринимая то, что я сам ориентируюсь хотя и в небольшом, но районном центре, где я никогда до этого не работал.

Петрович проводил совещание со своими подчинёнными. Он познакомил меня с сотрудниками.

Затем мы с Петровичем уединились в его кабинете.

— Ну, — спросил я его, сгорая от нетерпения.

— Она не могла быть ни связной, ни радисткой.

— Почему?

— Она 36 года рождения и в сорок четвёртом ей было восемь лет.

— Да-а.

— Что будете делать?

— Ехать обратно, но в Белогорск я всё же заеду.

— Дело ваше.

— Петрович, а сколько сейчас в Москве?

— Минус шесть, — ответил Петрович.

— Значит утро.

— Угу.

— Один звонок в Белокаменную?

— Ну, если только один.

Я набрал номер Анатолия. Соединение прошло безукоризненно. Слышимость была тоже хорошая, правда, параллельно с голосом было какое-то завывание.

— Привет, начальник, — обратился я к своему однокашнику, — моя просьба?

— Выполнил, но порадовать ничем не могу. Коловратов Григорий Иванович, рождения 20 года, уроженец Сталинска, в кадрах “Смерша” не значится.

— А может, он был прикомандирован?

— Нет, такие тоже учитывались.

— Спасибо, отбивайся. На обратном пути я к тебе заскочу...

— Ну, что? — спросил Петрович.

— По учётам не проходит.

— Что будем делать?

— Простимся с Крючковым и в путь.

— Прямо сейчас?

— Нет, думаю, завтра.

Однако проститься с Крючковым не удалось. Он был занят и сказал, что может встретиться со мной только утром. Вечер я провёл в компании коллег в квартире начальника отделения. Во время товарищеского ужина показал им свой последний фильм, затем пошёл в гостиницу.

Утром я встал пораньше и заглянул в кабинет к Крючкову.

— Готовитесь убить? — спросил меня он вместо приветствия.

— Да, — сказал я, — поэтому хочу проститься и, если позволите, задать несколько вопросов.

— К вашим услугам, — не без иронии ответил он.

— Как вы сами познакомились с Коловратовым?

— Я, как и Терский, служил когда-то в погранкомендатуре, а это — мужской коллектив, мужские интересы.

— И в чём заключались интересы вашей комендатуры?

— В охоте, в чём же ещё.

— И в этом вам помогал...

— И в этом мы не могли обойтись без помощи местных...

— Охотников-любителей?

— Ошибаетесь, — сказал он, — профессионалов. Коловратов когда-то был профессиональным охотником и даже инструктором по охоте и туризму. В одно время появился у нас зам по воспитательной работе, фамилию его называть не буду, назову по-старому, как привычней и вам, и мне, — замполит. Имел он большую страсть к охоте, хотя охотник был слабый. Так вот, он сколотил маленькую группу из подчинённых, чтобы не быть одному, и привлёк к этому делу в качестве проводника и знатока здешних мест Коловратова.

— И чего же охотничья братия не заступилась за него, когда жена сдала его в дом престарелых?

— Не дело братии вмешиваться в дела семейные — это во-первых, а во-вторых, к этому времени братия уже распалась...

— Почему?

— Времена наступили для меня малопонятные.

— В смысле?

— Во-первых, стали приезжать совсем молодые офицеры, а это поколение даже я не совсем понимал...

— А во-вторых?

— Во-вторых, сам Коловратов перестал быть понятен. И когда он начал говорить о войне, над ним стали потихоньку посмеиваться. Правда, делали это не в глаза, но он, видимо, чувствовал это. Однажды тот же замполит сказал ему, что о войне невозможно узнать правду, пока живы ветераны войны.

— Да, — согласился он. Но Коловратов не подумал, что в эту фразу замполит вкладывал совершенно другой смысл.

— И какой же?

— “А ветеранов с каждым годом становится всё больше и больше”, — сказал тогда замполит.

— И Коловратов обиделся?

— Да, но тогда он виду не показал, а отомстил замполиту по-своему.

Коловратов

В сорок шестом перебрался Коловратов в Сталинизм и стал инструктором по спорту и туризму. В сорок восьмом отменили карточки, жизнь стала лучше, появились люди с деньгами. Они жаждали развлечений. Коловратов стал водить группы в тайгу. Работа — не бей лежачего. Неделя — на маршруте, две недели — дома. На маршруте даже интересней. Разный попадался в группах народ, но опять же, что нравилось Коловратову, он для всех в тайге — царь и бог. Он один всё знал и умел. Иногда у костра как-то неожиданно, сам по себе заходил разговор о войне, и Коловратов мог рассказать туристам о рейдах в немецкий тыл. Но когда особо любопытные пытались выяснять детали, многозначительно умолкал. И слушатели правильно понимали: время деталей ещё не наступило.

Осенью сорок девятого он пошёл в тайгу с очередной группой. В группе был мужик по имени Владик, который ему сразу не понравился. Но разве в мужиках дело, ведь ещё от первого срока на бедре Коловратова красуется наколотая тушь в три иголки надпись: “Вот что нас губит”, — а ниже её — бутылка, нож и женщина.

Была в той группе женщина, которую взял с собой Владик. Звали её Клавдия. Её интерес к своей персоне Коловратов почувствовал сразу. Была ли это истинная страсть или только способ позлить своего дружка, тогда трудно было понять. Но между мужиком и Коловратовым началось незримое соперничество. И надо же такому случиться, что на одном из привалов Владик предложил устроить соревнование по стрельбе. Но не просто так, а после стакана спирта.

Разлили спирт по кружкам, поскольку в поход стаканы не брали, выпили. — Пошёл, — сказал мужик.

Кто-то бросил в воздух кепку. Владик выстрелил первым, но промахнулся. И тогда выстрелил Коловратов. Кепку резко подбросило вверх, раздался восторженный возглас.

Но мужик не согласился с результатом. И тогда они повторили соревнование. Владик опять проиграл.

Ночью в палатку Коловратова пришла Клава. Раньше он никогда не допускал на маршруте вольностей с туристками. Но спирт сделал своё дело, и Клавдия осталась у него, пообещав, правда, утром перебраться в свой спальник.

Солнышко уже ощущалось даже сквозь брезент палатки. Коловратов выбрался наружу и увидел свой нож, всажённый по самую рукоять в спальный мешок Клавдии. Нож был широкий, и на спальнике совсем не было крови. В первую минуту Коловратов подумал, что его так жестоко пытаются разыграть, мстя за вчерашний проигрыш в стрельбе. Но всё оказалось не так просто. Потом была драка с Владиком, который прекрасно разыграл роль оскорбленного любовника и мстителя за убитую подругу.

“Два петра”, как говорили эки, из своего двадцатилетнего срока оттянул Коловратов и решил в Сталинизм не возвращаться. Он поступил в Хабаровске в строительный техникум. Окончив его, попросился в самую глушь, в посёлок Канино, оттуда потом никуда не уезжал.

Перед самым отъездом из Хабаровска познакомился он с женщиной, наминавшей ему ту девочку-связную, которую он спас в Белоруссии. Впрочем, с той поры Коловратов, казалось, прожил несколько жизней — и настоящих, и вымышленных, и стал их путать.

* * *

Петрович довёз меня до Благовещенска. Там я попытался взять билет до Улан-Удэ, но выяснилось, что самолеты из Благовещенска туда не летают. Пришлось брать билет до Иркутска на завтра, прощаться с Петровичем и спешить на вокзал, откуда я электричкой отправился в Белогорск.

Дом престарелых я нашёл быстро, но начальства на месте не оказалось. Точнее, самым главным человеком там на момент моего появления была кастаньяна. После недолгой беседы я напрямую попросил её о помощи. Ска-

зал, что хотел бы поговорить с Коловратовым, но знаю, что он старик вздорный и может меня послать...

— Нет, — перебила меня кастелянша, — не может.

— Почему? — удивился я, не догадываясь о причинах такого ответа.

— Он умер, — просто ответила кастелянша.

— И давно?

— Полгода назад.

— А почему об этом никто не знает?

— Мы сообщаем родственникам, но если они не приезжают и не забирают умершего, хороним сами на местном кладбище.

— Вот как.

— Вы его родственник?

— Нет, я человек, который его хорошо знал.

Я не стал спрашивать у кастелянши, как проехать на кладбище. Кладбище самое известное место в любом городе. Если не верите мне, то проверьте: все жители городов, посёлков и других населённых пунктов могут не знать, где у них сидят начальники, но где находится кладбище, вам подскажет любой. Недолго думая, я поймал частника и попросил его отвезти меня на кладбище. По дороге я сказал ему, что захоронение должно быть свежее, полугодичной давности.

— Частное или общечеловеческое? — спросил мой водитель, ошарашив меня последним прилагательным.

— В каком смысле? — не понял я.

— В прямом. Если его хоронят родственники, то это частное захоронение, если организации, то общечеловеческое.

— Они что, в разных местах?

— Разумеется.

Подъехали к кладбищу. Я попросил водителя подождать меня и пошёл влево, туда, где были так называемые общественные захоронения. Могилу я нашёл быстро. Табличка, прибитая к деревянному колу, сообщала, что здесь похоронен Коловратов Григорий Иванович. Там же значился год рождения и год смерти, а ниже кто-то приписал шариковой ручкой: “Награжден орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны второй степени”.

Вернувшись с кладбища в город, я решил добраться до вокзала и уехать в Благовещенск. Но всему этому не суждено было сбыться, поскольку на последнюю электричку я опоздал. Я обратился к старушкам, которые “дежурили” на подступах к вокзалу, и не ошибся. За триста рублей одна из них согласилась предоставить мне комнату.

Звали старушку Антоновной. Она привела меня в квартиру, показала комнату, в которой было ещё три кровати, и стала опрашивать по схеме, известной со времен римского права: кто я, откуда, с какой целью и по какой нужде прибыл в Белогорск.

— Это вам для анкеты проживающего? — пошутил я.

— Нет, — совершенно серьёзно ответила Антоновна, — товарки вечером на лавочке соберутся и спросят: откуда жилец?

— А вы скажите им, что я из Новосибирска.

— Правильно, — ответила Антоновна, — а то, если скажу, что из Минска, так они вопросами замучат, а из Новосибирска... это же рядом...

Я отдал Антоновне деньги, она указала мне кровать, снова пожаловалась, что “на жильцов не сезон”, и пошла на улицу к подругам. Правда, дойдя до дверей, она вдруг остановилась и спросила:

— Да, а как там в Белоруссии?

— Так же, как и у вас.

— Ясно, — сказала Антоновна и закрыла дверь.

А я развалился на кровати, достал из сумки дневник и стал читать.

Коловратов

К вечеру подстрелили косулю и притащили её в лагерь.

Коловратов наклонился над тушей, рассматривая добычу, затем вытащил нож, чтобы снять с неё шкуру и разделать.

— Шкуру нужно снять, а мясо на куски резать не надо, — сказал замполит, — мы пожарим тушку на вертеле.

Но Коловратов не тот человек, чтобы слушать кого бы то ни было. Он снял шкуру, а потом стал рубить тушу на части.

— Ну, я же просил, — возмутился замполит.

— Сварим в казане, — сказал, как отрезал, Коловратов.

Он не то, чтобы был против этого экзотического способа приготовления мяса, просто не знал, как его жарить на вертеле, а признаться в этом было выше его сил.

Мясо ещё варилось, а охотничье сообщество уже уселось вокруг скатерти “самобранки”, которую заменяла клеёнка, густо уставленная всем, что называют холодной закуской.

Выпили по первой, закусили, потом — по второй. К третьей подоспело мясо.

Большие дымящиеся куски разложили на крышке от казана.

— Кто под горячее не пьёт, — сказал замполит, — тот богато не живёт.

Все выпили и навалились на мясо. После горячего пиршество пошло медленнее.

— Когда я служил на Кавказе, — сказал замполит, — я видел, как на вертеле жаривают быка, а в быка помещают барана, а в барана — гуся, а в гуся — утку, а в утку — фазана, а в фазана — голубя, а в голубя — воробья.

Подчинённые выразили удивление.

— Царское блюдо, — произнёс замполит.

— У-у-у, — поддержали его подчинённые.

— Западно, — сказал на это Коловратов.

— Что? — не понял замполит.

— Западно воробья есть.

Замполит обиделся. Присутствующие стали его успокаивать.

Компания разбилась на две группы: одни уговаривали замполита не обижаться на старика, а другие говорили старику, чтобы он не заводил начальника. Но вскоре все забыли об этом инциденте. В устоявшихся охотничьих компаниях — большие они или маленькие — у каждого своя роль. И не только на охоте, но и после её завершения. Апофеоз мероприятия вовсе не щедрое застолье, а послеобеденная или “послеужинная” беседа.

Уязвленный замполит лучше других знал это. Он ждал своего часа и дождался.

Все уже самые ненасытные отвалились от скатерти-клеёнки и расслабленно отдыхали, глядя на дымок костра. Разговор шёл сначала ни о чём, а потом, как обычно в мужских компаниях, зашел о женщинах.

— У нашего бывшего коменданта, — начал один из охотников, — была жена — золотая женщина. Все считали, что они дружили в детстве, а потом выяснилось, что познакомились они весьма странно.

— А Иваныч, — сказал один из охотников, кивнув в сторону Коловратова — вообще свою жену у немцев утащил...

Все примолкли, давая Коловратову возможность рассказать о том, как вынес он свою будущую жену из немецкой комендатуры. Однако в паузу вклинился замполит:

— У Василия Шукшина, — сказал он, — есть рассказ, который называется “Миль пардон, мадам”. Там один мужик, которого смешно звали Бронькой Пупковым, рассказывал всем на охоте, как покушался на Гитлера.

Коловратов разозлился: его ещё никто не перебивал, когда он соглашался что-то рассказать о своём военном прошлом. Но замполит, видимо, решил как можно больше уязвить Коловратова.

— Вот вы говорите, — сказал он, — что стреляли с двух рук, но кто это может подтвердить?

— Я сам и могу, — угрюмо прогудел Коловратов.

— Всё это слова, — распалился замполит, — я уверен, что вы сейчас и в верблюда не попадёте.

— Со ста шагов в твою коленную чашечку, — сказал Коловратов.

Дело заходило слишком далеко. Собравшиеся это почувствовали, зашумели. Но как-то уговорили замполита и Коловратова не заводить и продолжать пьянку. Замполит даже предложил тост: за поколение, прошедшее самую жестокую войну двадцатого века, и налил Коловратову полную кружку водки. Потом треп продолжался, но некий осадок от стычек начальника с Коловратовым остался, и, наверное, поэтому в тот день выпили больше обычного и стали делать то, чего никогда не делали.

Установили рядышком две пустые бутылки, отмерили пятьдесят метров и стали стрелять.

Коловратов смотрел на развлечение молодёжи с иронической усмешкой и не участвовал в нём.

— А не слабо, — предложил ему замполит, — самому, это, конечно, не верблюд...

— В твою шапку, — сказал Коловратов.

— Годится, — ответил замполит, — но бросаю я.

— Угу, — согласился Коловратов.

Замполит сорвал с себя шапку и подбросил вверх. Шапка взлетела очень высоко, на какое-то мгновение остановилась в воздухе, и именно в это мгновение её догнал заряд дроби из ружья Коловратова.

Что эту шапку уже нельзя будет носить, поняли все ещё до того, как она упала на землю.

Но Коловратов на этом не остановился. Мрачным взором оглядел он притихшую компанию, резко повернулся и выстрелом из второго ствола разнёс бутылки, в которые так и не смогли попасть собутыльники.

— Фраера! — сказал он сквозь зубы, покачнулся и пошёл спать.

С той поры на охоту с военными он не ездил.

* * *

На следующее утро я без приключений добрался на электричке до Благовещенского вокзала, пересел там на маршрутку и уже через полчаса был в аэропорту. Чувствовал себя неважно, потому что не выспался. Была на то своя причина. Стоило мне погасить в комнате свет, как что-то стало меня отчаянно кусать. Зажег свет, обшарил постель, но ничего не обнаружил. Позднее понял, что это, скорее всего, были клопы, которые не входили в перечень услуг Антоновны, но внесли свой колорит в мое белогорское приключение.

У входа в аэропорт заметил знакомую фигуру Петровича.

— Ну, как поездка? — спросил он. — Удачно?

— Любопытствуешь или есть свой интерес?

— И то, и другое.

— Коловратов умер полгода назад.

Петрович развёл руками: мол, всё в воле Божьей.

— Здесь по делу? — спросил я.

— Нет, я же помню номер и время рейса, заехал проводить.

Мы двинулись на регистрацию, после которой я опять вспомнил поговорку: “не имей сто рублей...”

Молоденький сержант пограничник спросил меня:

— Ваша регистрация?

— Я только что зарегистрировался, — ответил я ему.

— Вы зарегистрировались на рейс, — сказал он мне тоном, каким обычно папаша наставляют неразумных дитятей, — а где ваша регистрация в Амурской области — вы же в пограничной зоне?

— Твою мать, если бы я был командировочным, то сохранил бы квитанцию из гостиницы, а так... она сейчас лежит в урне в далёком поселке Поярково”.

— Володя, — радостно произнёс сержант, обращаясь к милиционеру, стоящему поодаль, — твой клиент.

Милиционер лениво двинулся ко мне, пришлось звать на помощь.

— Петрович, — окликнул я своего коллегу, — у меня проблемы.

Милиционер уже рассматривал мой паспорт, когда подошёл Петрович, представился и, кивнув на меня, сказал:

— Это наш коллега и гость... из Белоруссии.

Милиционер неумело козырнул и оставил меня в покое. А я ещё раз тепло попрощался с Петровичем.

Была жара, и пассажиры страдали от духоты в салоне. Но вот двери закрылись, самолёт взлетел, стало прохладно. Я достал из сумки сшиток. Но читать не было сил. Сказалась бессонная ночь, и я уснул.

Проснулся, когда самолёт уже заходил на посадку в Иркутске. Я пожалел, что просмотрел Байкал с высоты птичьего полёта. Но вспомнил, что увижу его ещё раз из окна поезда, и успокоился.

Билет до Улан-Удэ взял на какой-то проходящий и поехал в обратную сторону, предвкушая приятную встречу с моим спонсором в Улан-Удэ и листая дневник Трубника.

Часть вторая

Восток—Запад

Шаповал

Шаповала бьёт мелкая дрожь. До чего же холодно лежать в снегу. Даже полушубок не спасает. Впрочем, разве это полушубок — одно название. Ему лет десять, и подшёрсток, — а именно он даёт тепло, — давно вытерся. Да что там подшёрсток! И шерсть стала короче наполовину. Стоило ли менять телогрейку на такой полушубок? Но... в партизанской иерархии командиру диверсионной группы не пристало ходить в телогрейке... Однако, что-то на этот раз уж очень холодно, уже начинает трясти мелкая дрожь. Не заразился ли он тифом, ночуя два дня назад в одной незнакомой крестьянской избе? Спали они на соломе и всю ночь слышали, как кашлял на печи больной старик.

“Не приведи господь заболеть, — думает не верящий в Бога Шаповал. — Что скажут ребята? Хотя ясно, что скажут: надо лечиться, отлежаться. А, возможно, кто-то подумает, что испугался Шаповал, решил не участвовать в операции”.

Эту операцию Шаповал готовил давно. Сначала поставил задачу местным мальчишкам следить за движением на железной дороге и фиксировать крупные эшелоны с техникой и живой силой. Трубник собирал информацию через своих связных. Особое внимание обращали на составы, безопасность которых обеспечивалась дополнительными средствами. Потом данные Трубника и Шаповала сравнили. В основном они совпадали.

Пока собирали сведения, отрядные умельцы приделали детонатор к 152-миллиметровому снаряду и передали его ребятам Шаповала. Общий вес взрывного устройства потянул почти на сорок килограммов. Пришлось искать подводу и ночью везти его поближе к железнодорожному полотну магистральной Минск—Москва.

Это не бог весть какая акция, но Шаповал знает, что немцы через своих пособников внимательно следят за всеми передвижениями у дороги. И чем меньше посторонних людей привлечено к операции, тем больше надежды на её успех.

Устройство закопали в снегу неподалёку от железнодорожного полотна, обозначили вешками, чтобы можно было найти его в темноте. С этого момента тянуть было нельзя. Не только потому, что у немцев были свои глаза и уши вокруг железной дороги, но и потому, что могло случиться множество совершенно непредвиденных вещей: скажем, на устройство случайно натолкнётся кто-то из полицаев или местных жителей, либо самодельный детонатор отсыреет.

По собранным данным, особо охраняемых эшелонов в сутки могло проходить несколько пар. Днём подобраться к железнодорожному полотну и тем

более заложить заряд невозможно, значит, операцию необходимо проводить ночью.

И вот они ждут состав. Рядом с Шаповалом лежит Трубник. Невдалеке от них Кашин, Львов и Антонов. Все молчат. Ночью, да ещё и в лесу даже шёпот слышен очень далеко. Все это знают, потому научились обмениваться информацией при помощи жестов.

Середина марта: днём тепло, снег начинает чернеть и таять, а ночью растаявшее схватывается морозом. Эти тонкие льдинки сейчас больно режут руки. Чтобы время шло быстрее, нужно научиться его убивать. И Шаповал думает о том, что ещё два года назад он и не предполагал, что будет лежать возле полотна железной дороги и караулить немецкий эшелон.

Он призывался в сороковом году, начинал службу в 120-м отдельном батальоне связи стрелковой дивизии. Войну встретил под Гомелем. Дивизию мгновенно перебросили под Оршу, где после боёв она попала в окружение. Но большая часть дивизии всё же вышла из него. Вышел и Шаповал, в военной форме, с оружием и документами. Было это под Смоленском. После переформирования Шаповал попал в 136-й отдельный саперный батальон 28-й армии маршала Тимошенко. Опять бои, и опять окружение.

На этот раз все сложилось менее удачно. Фронт стремительно уходил на Восток. Разбившись на мелкие группы, бойцы пытались прорваться к своим, но вскоре стало ясно, что второй раз из окружения им не выйти.

Группа, в которой был Шаповал, решила идти обратно в Белоруссию, где, по слухам, уже развернулось партизанское движение. Но партизан им пришлось искать долго, поскольку первые группы, которые специально оставили в тылу, в большинстве своём были уничтожены немцами, а массовое партизанское движение началось только в середине сорок второго.

Через местных жителей Шаповал вышел на партизанский отряд “За победу”, который входил в состав партизанской бригады имени Кирова. Здесь-то игодились его техническая подготовка и военный опыт. После нескольких операций он становится старшим диверсионной группы. А потом...

Зашевелившийся Вася Трубник вернул Шаповала из мира воспоминаний к реальности. Вася указывает пальцем на дорогу.

— Ага, вот и патруль, значит, скоро будет эшелон.

Шаповал слышит, как тяжело и напряжённо дышит Трубник, и ему кажется, что дыхание остальных членов группы слышит не только он, но и патруль.

Фрицы идут медленно, переговариваясь по-немецки, просвечивая фонариками пространство впереди на рельсах и рядом с насыпью. Как только они скрываются из виду, Шаповал приподнимается и кивает головой. Трубник и Кашин берут в руки носилки, на которые уложен снаряд, и быстро несут их к насыпи.

Шаповал, прижавшись к стволу дерева, пытается увидеть в темноте то, что может помешать им. Ему кажется, что Трубник и Кашин работают слишком медленно и могут не успеть заложить снаряд. Новая отмашка, и на помощь Трубнику и Кашину устремляется Антонов, мгновенно преодолевая пространство до насыпи.

В той части группы, что сейчас устанавливает взрывное устройство, главную роль играет Трубник. Работают маленькие лопатки, но Василий на секунду останавливает Антонова и Кашина и прикладывает ухо к рельсу.

Лёжкое его подрагивание говорит о том, что состав на подходе. Снова замелькали лопатки, но работа идёт медленней, чем хотелось бы. А звук приближающегося состава становится всё явственней. Его уже слышит даже Шаповал.

— Твою дивизию! — ругается Шаповал, и в отчаянии бьёт кулаком по снегу.

Именно в этот момент три фигуры, пригнувшись, отбегают от полотна. Но это ещё не всё. Шаповал лучше других знает, что до успеха ещё далеко. Он видит, как Трубник возвращается к полотну.

— Не приведи господь, — думает Шаповал.

В это время Трубник вновь отбегает от насыпи. Теперь ему предстоит самое главное и трудное — выдернуть чеку из взрывателя. Чека привязана

за шнур, а шнур очень короток. Но не потому, что партизаны не нашли более длинного шнура. С коротким надёжнее, хотя и опаснее. Сейчас многое зависит от Трубника, он ставит точку во всей операции. Чеку нужно выдержать, когда паровоз поравняется со снарядом, и при этом постараться не пострадать самому.

Вот уже показалась дрезина, на ней мешки с песком и пулемёт. Уже виден и сам состав. Впереди паровоза две платформы, на которых за мешками с песком — пулемётный и зенитный расчёты. А вот паровоз поравнялся с заложённым под рельсы снарядом.

Трубника не видно, не видно шнура, не слышно ничего, потому что грохот проходящего состава вытеснил все звуки. И вдруг — столб огня, а затем взрывная волна оторвала Шаповала от дерева и бросила в снег. Но уже в следующую секунду он поднялся и побежал в лес, с удовлетворением и радостью чувствуя за спиной дыхание Трубника.

— Молодец, Вася, ай да молодец!

* * *

Поезд пришёл в Улан-Удэ точно по расписанию. Александр Оттович уже ждал меня на перроне. Мы сердечно обнялись, и он повёз меня в гостиницу. Утром следующего дня притащил меня в Общество Российско-Белорусской дружбы, которое располагалось в самом конце первого этажа и занимало две смежные комнаты. Председатель ждал меня. Он тактично спросил, каким ветром меня занесло столь далеко от Беларуси. Я поведал историю о своей поездке на Дальний Восток. Глаза его загорелись, оказалось, что по профессии он журналист, автор нескольких сценариев документальных фильмов, а также участник поисковых экспедиций, по результатам которых писал статьи.

— Но у нас к вам, — сказал он, наконец, — конкретный интерес.

— Рад буду помочь, — поспешил заверить его я.

— В соседней комнате вас ждут два представителя нашей прессы — самой взрослой газеты Бурятии и газеты молодёжной. Кроме того, через час сюда подъедет съёмочная группа телевидения. Всем интересно знать, как живёт братская Белоруссия.

Я открыл было рот, чтобы сказать, что я не уполномочен говорить от лица Беларуси, но мой собеседник продолжал:

— Мы также хотим использовать вас для восстановления контактов с големьчанами.

— Но я живу в Минске.

— Это всё равно ближе, чем от нас, согласны?

— Да.

— Тогда за работу. А после обеда вас свозят в этнографический музей и дацан — буддийский храм, — пояснил он на всякий случай.

Я честно отработал свою командировку, дал интервью газетчикам и телевидению. Когда всё было закончено, мне предложили выпить чаю вместе с журналистами.

После первого глотка беседа пошла оживленнее и представитель взрослой прессы вдруг сказал:

— Наверное, я выражу общее мнение, если спрошу о том, как там у вас в Белоруссии?

* * *

После обеда мы с Оттовичем посетили этнографический музей, а затем съездили в дацан. На выходе девушки, торгующие сувенирами, стали предлагать нам свой товар:

— Возьмите этого монаха, — сказала одна из них, — он приносит счастье.

— Хорошо, — сказал я, — возьму, только объясните, как он это делает?

— Что делает? — не поняла девушка.

— Счастье приносит.

— Очень просто: нужно загадать желание, а потом провести триста кругов возле пупка.

Я вспомнил занятия по судебной медицине и сказал:

— После такого количества кругов на пупке будет кровоподтёк.

Взрыв хохота был мне ответом.

— Вы меня не так поняли, — сказала девушка. — Нужно водить вокруг пупка монаха... А не статуэткой вокруг вашего пупка.

То ли от огромного количества контактов, то ли от избытия информации, но к вечеру у меня разболелась голова. Пришлось принять обезболивающее и расстаться с моим белорусским сибиряком.

Утром следующего дня всё повторилось. Оттович позвонил, что едет за мной. По дороге в аэропорт он комментировал всё те же достопримечательности, но в обратном порядке.

Трубник

— Миша, ребята вернулись из рейда, — говорит Трубник, входя во взводную землянку.

Шаповал затягивает ремень поверх полушубка, собираясь выйти наружу.

— Все живы? — спрашивает он.

— Да, — говорит Трубник, проходит к железной бочке, которая служит печкой-буржуйкой, и греет возле неё руки, — есть интересные новости.

— Какие?

— Жителей деревень, что вокруг места диверсии, привлекали к перевозкам убитых и раненых.

— И сколько их было?

— Судя по тому, что работали трое суток, а ранеными забиты все близлежащие деревни, около полутысячи.

— Солидно.

— Тебя можно поздравить.

— Всех нас можно поздравить.

— В деревнях развесили листовки.

— С фотографией?

— Нет, но твоя фамилия указана правильно. За тебя и твою группу назначено вознаграждение.

— И какое?

— Десять тысяч немецких марок.

— Всего-то! Пожадничали фрицы, наша группа стоит намного дороже.

Но не это интересно.

— А что?

— А сам подумай, ты же диверсант.

— Не догадываюсь.

— Откуда у них такая точная информация?

— Да, любопытно. Выходит, они тоже не зря хлеб едят?

— Не зря, не зря. Но о чем это говорит?

— Не знаю.

— О том, что конспирацию соблюдать надо, — говорит Шаповал и выходит из землянки. Трубник остаётся один. Он падает на сено, что покрыто старым половиком, принесённым из ближайшей деревни, и закрывает глаза.

“Откуда у Шаповала — гражданского человека — столько понимания законов войны и в особенности партизанской войны? — думает он. — Службу начинал связистом. Командиром не был, громовым голосом не отличается. Да и вид у него не начальственный: всегда торчащие русые волосы, вздёрнутый нос, лукавая улыбка. Никогда не высовывается. Правда, очень живой, подвижный, про таких говорят: “семь дыр на месте вертит”. Но мало ли в отряде подвижных ребят”.

Сколько раз попадал с ним Трубник в трудные ситуации, но ни разу не видел его растерянным. И каждый раз удивлялся его самообладанию. Иногда ему казалось, что Миша где-то получил специальную подготовку, но по законам конспирации не может об этом рассказать.

А может, никакой подготовки и не получал? Он просто прирождённый воин. Может быть, эти качества дремлют до поры до времени в каждом мужчине, а унаследованы они от многих поколений предков, каждый из которых на своем веку не раз брался за оружие, чтобы защитить себя, свою семью, свою землю.

— Отдыхаешь? — прервал размышления Трубника голос Виктора Михневича, одного из тех, кто только что вернулся из рейда.

— Да нет, прилёг на минутку, — говорит Трубник, поднимаясь с тюфяка. — Шаповала там не встречал?

— У командира твой Шаповал, — говорит партизан и так же, не раздеваясь, падает на сено, где только что лежал Трубник, — поваляюсь, пока Марковна крупу варит.

— Поваляйся, — отвечает Трубник, — дело хорошее.

И направляется к выходу.

Неподалеку от землянки Марковна, не старая ещё женщина, но опытная партизанка, пережившая с отрядом две блокады, готовит кондер для тех, кто вернулся с задания.

— А где Миша? — спрашивает её Трубник.

Марковна кивает головой в сторону командирской землянки. И Трубник замечает в её глазах то же, что минуту назад он прочитал в глазах Михневича.

— Не можешь минуты прожить без своего Миши.

Трубник ловит себя на мысли, что действительно не может, но чтобы перевести всё в шутку, подтверждает слова Марковны:

— Так точно, не могу.

Марковна улыбается. Миша — любимец всего отряда, и многие молодые парни хотели бы походить на него и дружить с ним. Многие девчата хотели бы видеть в нём если не жениха, то друга. Но Миша не был ловеласом и даже больше того — девушек сторонился. Однако в последнее время он изменился.

И это насторожило Трубника. Появилась в нём некая рассеянная грусть. Трубник уже год в партизанах. Он не раз видел смерть и знает, что перед ней странно меняются люди. Они словно предчувствуют свою гибель. На их лицах появляется какая-то маска отрешённости от забот этого мира, будто человек уже попрощался со всеми и готов покинуть их.

Трубник стал держаться рядом со своим командиром, чтобы в нужный момент иметь возможность помочь. Больше всего боялся Василий, что у Шаповала наступил период, когда человек, сам того не понимая, устаёт от войны и начинает искать смерти.

Это легко было определить — такой человек без всякой осторожности рвётся в самое пекло. Он похож на свечку, запалённую с двух концов.

Однако в бою Миша был по-прежнему дерзок, но спокоен. Без нужды на рожон не лез. Значит, причина изменения его поведения в другом. Чтобы разобраться с этим, Василий стал тенью своего друга. Это не прошло незамеченным. Правда, партизаны, если и подшучивали над Трубником, то достаточно беззлобно. Так продолжалось несколько недель, пока Трубник, наконец, не понял, что Шаповал, скорее всего, влюбился.

Вычислить объект Мишиного поклонения не составило особого труда. Эта была единственная молодая женщина в отряде, которой Шаповал тщательно избегал. А та, скорее всего, и не знала о чувствах, которые испытывал к ней один из любимцев отряда.

* * *

Когда я перелетел из Красноярска в Новосибирск, начал действовать синдром перемещения на запад. Даже за те несколько дней, что я провёл на Дальнем Востоке, организм уже привык к его часовому поясу и просыпается раньше, чем это принято в Новосибирске.

Студия кинохроники находилась на левом берегу Оби. На этот раз я не спускался в метро, а по старой памяти проехал автобусом до Горской, а там двинулся переулками на Немировича-Данченко.

Несмотря на сезон отпусков и одновременно киноэкспедиций, директор студии был на месте.

— Ну как? — спросил он.

— Как видишь, я жив и здоров, значит, всё в порядке.

— Будешь писать заявку?

— Не знаю...

— Почему?

— То, что хотел получить, я не получил...

— Но ты, судя по физиономии, получил что-то другое?

— Да.

— Тогда пиши заявку.

— Видишь ли, с позиций исследования человеческой психологии то, что я нашёл, безусловно, интересно, но в рамки госзаказа, о котором ты мне говорил перед поездкой, она не вписывается.

— А ты что, против чествования ветеранов и празднования юбилеев Победы?

— Да нет, я не против, и чествовать надо, и праздновать тоже. Но эти чествования не должны ограничиваться одним днём в году или в пятилетие.

— Ты, конечно, прав, но мы с тобой здесь ничего не изменим. Так будешь писать заявку?

— Нет.

— Почему?

— Именно потому, что к однодневному празднованию он не подойдёт.

— А к многодневному? — сострил директор.

— К многодневному подойдёт, но здесь можно впасть в нашу славянскую крайность.

— Поточнее.

— После войны началась кампания по идеализации войны или изображению её в некоем облегченном варианте.

— Астафьев назвал его опереточным.

— Да. Но это было ещё не всё. Потом началась перестройка, и новая элита, чтобы оправдать смену власти и собственности, стала дискредитировать всё, что было в Советском Союзе, в том числе победу над фашизмом, представляя войну как серию ошибок и просчётов, живописуя дебилизм её участников...

— Это было временное сумасшествие...

— Нет, это не сумасшествие, это вполне осознанная акция. Но её результаты были бы не так ощутимы и болезненны для участников войны, если бы ранее не раскрутили этот опереточный вариант. Именно он позволил так называемым реформаторам высмеять и войну, и победу. А у нынешнего поколения сложилось превратное представление о войне и о том, что реально происходило на фронте и в тылу. А это само по себе страшно!

— Почему?

— Потому, что этот исторический урок неверно отражён обществом, а раз так, то и не усвоен им.

— Да мало ли уроков не усваивалось обществом?

— Немало, но если урок не усвоен, он может возвращаться вновь и вновь.

— Зачем?

— Чтобы быть усвоенным либо...

— Что “либо”?

— Либо уничтожить тех, кто не способен его усвоить.

— Да, — сказал директор, — докторам наук нельзя писать сценарии.

— Не в докторам дело.

— А в чём же?

— Дело в истине.

— Что есть истина? — спросил директор и сделал вид, что он, как Понтий Пилат, заворачивается в тогу.

— Истина, — ответил я, — это адекватное отражение действительности.
— Совершенно верно, — сказал директор, — поэтому и нужно запретить учёным писать киносценарии.

Мария

Колеса телеги были разболтаны, и её всё время бросало из стороны в сторону. Мария сидела посередине, прижимая к себе Гену и Лиллю. Гена — сын Марии, а Лиля — её сестра, хотя обоим по четыре года.

Охрана: два полицейя. Один из них правит лошадей, второй сидит сбоку от Марии, положив карабин себе на колени, и что-то насвистывает.

У Марии болит всё тело, но особенно ноет левое плечо. Прежде чем увезти, полицейя избил её. А тот, который свистит, ударил её прикладом, когда она пыталась вытолкнуть из хаты Гену. После того как её посадили в телегу, Мария поняла, что её везут в город, а избил только для того, чтобы по дороге она не смогла убежать. Впрочем, даже если бы она и могла это сделать, то не сделает: лучше всякой верёвки привязана она к телеге и полицейям Геней и Лилей.

Когда полицейя вломилась в хату, Мария подумала, что пришли за её братом Толей. Возможно, кто-то донёс, что он сдал немцам сломанный приёмник, а детекторный оставил себе. Брат слушал сводки Совинформбюро, а Мария писала листовки и затем передавала их жителям близлежащих деревень, где собирала продукты, за которыми приходили люди из леса.

Мать успела быстро сунуть им немного еды и тёплые вещи Гене и Лиле. Куда их везут? Скорее всего, в Борисов.

Так и есть, телега въехала в Борисов, долго петляла по грязным улицам и остановилась у ворот тюрьмы. Недолгий обыск, уточнение фамилии, имени, отчества, и вот их ведут по гулкому тюремному коридору. Мария мысленно готовится биться за детей, за то, чтобы их не разлучали. Но ничего плохого не происходит. Лязгает замок, и всех троих вталкивают в камеру, в которой находится несколько десятков человек.

Ей указывают на место в углу на соломе, и она устраивает детей, а потом устраивается и осматривается сама. Её сокамерники в основном сельские жители, и понятно, что все они сидят здесь за связь с партизанами. Отсюда и термин, который употребляют и немцы, и сами партизаны, — связные.

Рано утром в камеру вошёл молодой надзиратель. Марии показалось, что она где-то видела его. В руках у надзирателя картонная папка. Он быстро сделал переключку, причём не ошибся ни в одной фамилии.

— Будут вызывать на допрос, — говорит Марии соседка, женщина лет сорока, — оставь на кого-нибудь детей.

— Как оставить? — не понимает Мария.

— Познакомь с кем-нибудь, чтобы они не боялись остаться в камере. А то надзиратели не любят, когда дети плачут.

— А меня будут вызывать на допрос?

— Конечно, — говорит женщина.

— Так может, вы и присмотрите? — спросила Мария.

— Нет, — ответила женщина, — лучше попросить кого-нибудь из мужчин.

— Почему? — удивилась Мария.

— В тюрьме дети их лучше слушаются.

Но первый раз на допрос Марию вызвали только на третий день. А до этого она вдоволь насмотрелась и вызовов, и возвращений с допросов сокамерников. Иногда они приходили на своих ногах, иногда их приносили. Работу эту выполняли несколько заключённых из тюремной обслуги.

Повернулся ключ в дверях камеры, и она открылась:

— Пронина, — и снова молодой надзиратель показался Марии знакомым. Она уже знала, если вызывают без вещей, значит, к следователю.

Она шла по коридору впереди надзирателя и вдруг не поверила своим ушам.

— Мария, — сказал он, — не молчи, но и по делу ничего не говори, а главное, не бойся и не верь обещаниям...

И тут Мария вспомнила этого парня. Его зовут Анатолием. Когда она после окончания педтехникума уезжала из своей деревни, он был ещё мальчишкой. А вот теперь вырос...

В кабинете её ждали двое: следователь — мужчина лет сорока — и его помощник.

Следователь протянул листок бумаги:

— Фамилия, имя, отчество, учебное заведение, которое закончила, — сказал он почти вежливо.

Ещё не понимая подвоха, Мария написала на листке требуемое.

Следователь положил листок в папку и стал задавать вопросы:

— Кто из партизан бывал у вас в доме?

— Приходили какие-то люди, — сказала Мария, — просили поесть.

— Оказание помощи бандитам уже преступление перед оккупационными властями, — сказал следователь равнодушно, видимо, эту фразу он вынужден был повторять много раз на день.

— Время такое: кто с ружьём, тот и прав, — сказала Мария.

— Значит, с партизанами связи не было?

— Не было.

— Ну да, — сказал следователь, — все вы так говорите, но потом ка-е-тесь...

После этих слов помощник поднялся со своего стула и ударил Марию по лицу. Мария упала на пол, а помощник несколько раз ударил её ногами.

— Поднимайся, — сказал он и указал на стул.

Ошеломлённая случившимся, Мария поднялась с пола и присела на краешек стула.

— Продолжим, — сказал следователь. — Кто в деревне помогает партизанам? Где они находятся? Как осуществляется с ними связь?

— Не знаю, — повторила Мария.

— Знаешь, — ответил за нее следователь, и показал два листка бумаги.

На одном из них были только что написанные ею фамилия, имя и отчество, а на втором — переписанная ею же листовка-сводка Совинформбюро.

— Не знаю, — сказала Мария.

— Знаешь, — сказал следователь, — сейчас ты вернёшься в камеру и хорошенько подумаешь. А потом мы вызовем тебя ещё раз, а может, и ещё... Но это будут твои последние визиты к нам. Мы работаем с теми и даём возможность жить только тем, кто не пытается водить нас за нос...

Следователь махнул рукой. Помощник открыл дверь и позвал надзирателя.

Снова она шла по коридору впереди надзирателя, ужасаясь ситуации, в которую попала. Она понимала: когда у следователя кончатся кулачные аргументы, он вспомнит про Гену и Лилю.

Каждый следующий день она ждала нового вызова на допрос. Но с ней словно играли в кошки-мышки. Шли дни, и она всё больше боялась, что в нужный момент у неё не хватит сил сопротивляться, в особенности если следователь попытается использовать в качестве средства давления на неё сына и сестру.

Через неделю всё повторилось. Опять ленивые угрозы следователя и остревенные удары его помощника. И всё те же вопросы: “Кто помогает партизанам в деревне? Как и кто поддерживает с ними связь? Где находится лагерь партизан и гражданский лагерь их родственников?”

Мария пыталась говорить о том, что в деревне действительно появляются какие-то люди, но кто это — ей не известно, да и приходят они редко и неожиданно.

Следователь выслушал её и пообещал:

— В следующий раз мы будем беседовать в присутствии ваших детей.

И опять она возвращалась в камеру, едва держась на ногах. Надзиратель поставил её лицом к стене и стал открывать ключом дверь.

— Не бойся, — сказал он ей тихо, — всё будет хорошо.

Она ничего не ответила. Чем ей может помочь этот почти мальчишка, тем более служба оккупантов? Странное чувство нереальности происходящего охватило её. Она машинально кормила детей, отвечала на вопросы сокамерников. И когда в одну из ночей вдруг открылась дверь, и знакомый молодой голос произнёс:

— Всем взять вещи и на выход...

Она так же машинально разбудила детей, взяла их за руки и пошла в коридор. Когда их колонна проходила через тюремные ворота, вышла небольшая заминка.

— Почему без конвоя? — вопрос Анатолию.

— Спроси у начальства, — уверенно ответил тот, — они тебе объяснят.

Держа карабин наперевес, Анатолий повёл колонну не главной дорогой, на которой был пост, а какими-то обходными путями. К утру они были уже далеко от города.

— Привал, — сказал их конвоир, — кто не желает идти со мной, могут возвращаться домой... Всем остальным короткий отдых, и уходим к партизанам.

— В какой отряд? — спросили конвоира.

— Придём, там всё узнаете, — был ответ.

Так Мария Павленок оказалась в партизанском отряде “За победу” бригады имени Кирова. Детей со временем переправили родственникам в соседнюю деревню: домой возвращать их было опасно, да и не было у неё больше дома: его сожгли полицаи в отместку за побег.

Трубник

И чем взяла Мишу эта учительница? Ничего примечательного — рыжие волосы, правда, красиво вьющиеся, ровный и всегда тихий голос. Нет в ней никакой лихости, ни огня, которые, по здешним понятиям, должны отличать боевую подругу. Сама простота.

Идём с задания, все устали, много дней спали урывками по несколько часов. Все клюют носом, кемарят на ходу.

— Отстань немного, — говорю Мише.

— У тебя есть секреты от ребят? — спрашивает.

— Есть, — отвечаю.

— Ну ладно, давай отстанем.

— Миша, — начинаю я, когда расстояние между группой и нами стало достаточным, чтобы нашего разговора никто не услышал, — я всё вижу...

— Что ты видишь?

— Твои метания.

— Ну, это мои заботы.

— Нет, брат, на войне так не бывает. Ты сам говорил, что от настроения каждого зависит жизнь всех бойцов группы. Говорил?

— Угу.

— А ещё ты говорил, чтобы между нами не было никаких обид, размолвок и недоговоренностей. Так?

— Так.

— Дак вот, чтобы всего этого не было, давай я стану твоим посредником.

— То есть?

— Посредником в переговорах с Марией.

Легкая краска бросилась в лицо Мише, но я “не заметил” этого и продолжал.

— Ты любишь её, она тебя, чего же вы в прятки играете?

Миша долго молчит и кажется невозмутимым. Но меня обмануть трудно. Походка его выдаёт. Он напряжён, чего с ним не бывало даже во время операций.

— Вася, — говорит он, наконец, — война...

— Вот потому-то и не нужно молчать.

— Нет, Вася, ничего из этого не выйдет. Она пережила смерть мужа,

сама чуть не погибла в тюрьме... А если меня убьют, каково ей одной оставаться.

— Здорово...

— Ну, здорово или нет, не знаю, зато правильно.

— Нет, ты не прав.

— О себе я не думаю, за это время разучился думать о себе. Я к смерти готов в любую минуту. Ну, а как потом она? У неё муж погиб в финскую. Она это едва пережила. А вдруг я погибну, она совсем сломается.

— Знаешь, в чём ты не прав?

— Нет.

— Любовь — дело двоих, а ты сам всё решаешь.

— Ну, а кто же ещё должен решать?

— Оба...

— Но я решаю за двоих.

— А ты реши сначала за одного.

— Это как?

— Поговори с ней, а если сам не можешь, я выступлю посредником.

— Ладно, обойдёмся без посредника.

* * *

Выйдя от директора киностудии, я вспомнил, что собирался позвонить в Москву. Однако возвращаться в кабинет после столь резкой беседы мне не хотелось. Перебравшись на правый берег Оби, зашёл в кассу, где когда-то продавали авиабилеты. Располагалась она в левом крыле здания областной администрации или, проще, облисполкома. Там я неожиданно легко взял билет до Москвы на завтрашний утренний рейс. Впрочем, это был все тот же ИЛ-86.

После этого поехал на Главпочтамт и позвонил оттуда в Москву в Союз писателей России, чтобы узнать номер телефона Богомолова. Но там мне сказали, что он не член Союза писателей, однако номер найти помогли.

Я повесил трубку, постоял немного в кабинке и, собравшись с мыслями, набрал номер, продиктованный мне коллегами из Москвы.

— Да, — ответил низкий мужской голос.

— Это Владимир Иосифович? — спросил я.

— Да, — так же бесстрастно повторил собеседник на другом конце провода.

Тут я немного растерялся. Как войти в контакт с человеком другого поколения, если ты его даже не видишь? Решение пришло ниоткуда.

— Это коллеги-контрразведчики из Белоруссии вам звонят, — сказал я, — мне ваш телефон дали в Союзе писателей России.

— Там есть мой телефон? — сказал Богомолов и замолк. Пауза затягивалась, и я продолжил монолог:

— Я автор нескольких документальных фильмов о разведчиках, у меня есть задумка написать о тех, кто работал в контрразведке. Не могли бы вы, как автор романа “Момент истины”, сказать несколько слов перед камерой о контрразведке времён Великой Отечественной...

— Нет, — ответил Богомолов категорично, — я человек не публичный и камер не люблю.

— Но у меня есть весьма любопытная для вас информация, по одному из прототипов ваших героев...

— Моих героев?

— Да.

— Любопытно...

— Я завтра буду пролётом в Москве, и если бы вы согласились встретиться?

— Не знаю, — ответил Богомолов, — чем я вам могу помочь...

— Вы очевидец и летописец той войны...

— Я летописец, — прервал меня собеседник, — одной операции и на большее не претендую, пока... во всяком случае...

— Я не настаиваю...
— Вообще-то я занят...
— Тогда, может быть, во время следующего моего приезда в Москву или вашего в Минск?

— Ладно, чего не сделаешь для коллег и белорусов... Когда появитесь в Москве, перезвоните мне...

Установив контакт с Богомоловым, я тут же сделал ещё один звонок в Москву. Услышав в трубке знакомый голос, сообщил:

— Андрей, завтра я прилетаю в Москву, буду в девять ноль-ноль в Домодедово рейсом из Новосибирска.

— Вас надо встретить?

— Да, но это не главное. Помнишь, ты когда-то хотел встретиться с Богомоловым, взять автограф, поговорить...

— Помню, — сказал Андрей.

— Так вот, завтра такая встреча может состояться. Если ты, конечно, не занят.

— Что вы, ради такого дела я отпрошусь у начальства.

— Обязательно отпросись. Кто знает, будет ли ещё когда возможность поговорить с Богомоловым... Да, не в службу, а в дружбу — купи коробку конфет его супруге, по возможности белорусских, наверняка ему будет приятно. А я с тобой рассчитаюсь.

— А у него есть супруга?

— Думаю, есть...

— Всё сделаю.

— Да, и книгу прихвати для автографа.

— Книгу не смогу, она в Минске осталась.

— Поищи где-нибудь. Это нужно для знакомства и разговора.

Я повесил трубку. Всё складывалось как нельзя лучше. Я удачно “наживулил” завтрашние контакты в Москве, и осталось просить Господа, чтобы самолёт не задержали, в полёте ничего не случилось, Богомолов не передумал, и Андрей приехал в аэропорт. Впрочем, Андрей не может не выполнить своего обещания.

Он был самым способным моим учеником, но, как часто бывает с неординарными личностями, эта неординарность сыграла с ним злую шутку. В военное время или в экстремальных обстоятельствах деловые качества таких сотрудников позволяют маленьким и большим начальникам с их помощью успешно решать сложные боевые задачи. Это устраивает всех: самого сотрудника, так как он объективно оценён, его начальников, которые тоже ценят его и стараются у себя в подразделении иметь побольше таких, как он.

В мирное время всё иначе. Неординарность таких сотрудников при отсутствии реальных задач может быть расценена как желание выделиться, “подсидеть” начальство. И начальство начинает “гнобить” возможного конкурента. Со временем на него вешается ярлык неудобного и неуправляемого человека, с которым “в разведку уж никак нельзя”.

Так вышло и с Андреем. К счастью, рядом дружественное государство — Россия, в которой есть нужда и в хороших спецназовцах, и в тех, кто умеет их готовить.

Был ранний вечер, я решил пройти пешком по Вокзальной магистрали до железнодорожного вокзала.

Потом я взял несколько бутылок пива “Сибирская корона” и стал продвигаться к себе “на базу”. Хозяева были уже дома. Мы сели за стол. Через какое-то время пришло благодное состояние расслабленности, и хозяин спросил:

— Кстати, а как там у вас, в Белоруссии?

Трубник

В нашей землянке готовится праздник. Марковна, в помощь которой выделили партизанку Настю, руководит Кашиным и Антоновым. Сначала те по её команде носили воду, затем кололи дрова для костра, на котором Марковна готовит “праздничный кондер”. Но в отличие от обычных дней сегодня и

костёр праздничный, точнее, два костра. За первый отвечает Кашин, а за второй — Антонов. На первом Марковна варит в котле своё главное блюдо, на втором на сковороде шипят шкварки, которыми она собирается заправлять кондер.

Потом “диверсанты” накрывают “стол”, располагая на половике, который постелен прямо на лапник в землянке, алюминиевые чашки, кружки, а также холодную закуску — всё, что удалось добыть в деревнях по такому случаю.

В полдень пришли гости. Первыми появились хозвзводцы во главе с командиром по фамилии Грахович. Они тут же возмутились, поскольку полоник, на котором был накрыт “стол”, предназначался ими для подарка молодым. Но Кашин успокоил их, сказав, что потом молодые используют его по назначению: отгородят им угол в землянке и “будут жить-поживать и добра наживать”.

Землянка набита битком. Но у торца половика, где сидят Мария и Миша, есть свободное место. Его держат для командира отряда.

Командир хозвзвода сидит на лапнике, скрестив ноги по-турецки, а рядом с ним стоит обшарпанный саквояж. Он закрыт на два замка. Но в отряде все знают, что в нём две бутылки. Одна — с самогоном, другая — со спиртом. В трудные времена, когда спирт кончался, лечит больных и раненых было нечем, партизаны просили местных жителей выгнать самогона. Когда же удавалось создать запас спирта, самогон переставал быть неприкосновенным запасом. И опять же все знали, что Грахович вовсе не ждёт команды командира отряда, какую бутылку открыть. Всё гораздо тоньше. Если командир появится в полушубке, перетянутом ремнём, и в шапке, надвинутой на лоб, про спирт можно и не вспоминать, подальше спрятать его в саквояж, а на “стол” выставить бутылку с самогоном. Но если он будет в расстёгнутом полушубке, а шапка сдвинута на затылок, — можно рискнуть и подать на стол спирт, что для партизанской свадьбы предпочтительней.

Слышится скрип снега перед землянкой, открывается наклонная дверь и, пригнувшись, входит командир. Радостное оживление на лицах: он без полушубка и в шапке, сдвинутой на затылок. За его спиной стоит писарь.

Командира усаживают на свободное место, писарь пристраивается рядом. Это не первая партизанская свадьба в отряде, и все знают об особой роли писаря. Обоим наливают в кружки спирт, подвигают поближе хлеб, сало, пучки черемши. Командир отряда кивает писарю. Тот протягивает молодым гроссбух, перо и чернильницу. Миша и Мария расписываются в месте, где писарь поставил карандашом две большие птички. Потом слово берёт командир. Подняв кружку, он говорит:

— Сегодня у нас родилась ещё одна партизанская семья. Сегодня у нас праздник. А завтра опять будут будни. Я предлагаю тост за скорейшую победу над врагом. Она будет лучшим подарком, в том числе и нашим молодым. Мише не надо будет ходить в рейды, а Марии с тревогой ждать его возвращения. Они будут жить, работать и радоваться жизни. За это мы сейчас и выпьем.

Командир обвёл всех взглядом, как бы подытоживая тост:

— За победу!

Он выпил до дна, быстро закусил и встал, писарь потянулся вслед за ним. Правда, возле дверей командир остановился и, глянув на Граховича, погрозил ему пальцем. Тот вдруг вытянулся в струнку, насколько ему позволяла его поза по-турецки, и сказал: “Есть”.

Впрочем, после ухода командира гости и хозяева недолго пировали. Грахович тоже произнёс тост, но, перед тем как выпить “за победу”, не преминул сообщить, что хозяйственники для обустройства молодой семьи дарят молодым ковёр. Все зааплодировали и дружно выпили. Потом слово взял Кашин.

— Миша, — сказал он, — тебе досталась лучшая женщина в отряде, да ты и сам парень не промах... Дожить вам до победы и прожить ещё сто лет!

После тоста Кашина выяснилось, что вся холодная закуска кончилась, и помощники Марковны внесли кондер, который тут же разлили по чашкам и через пять минут уничтожили. Остаться в землянке не было смысла, все

высыпали на улицу, если можно было назвать улицей партизанский бор. Кашин и Львов чуть задержались. Они должны были сделать молодым сюрприз: оборудовать для них жильё. Ребята достойно справились с этой задачей: при помощи палки и половичка соорудили то, что в партизанских землянках называли “семейными углами”.

Антонов развернул гармошку, и все, опережая музыкальное сопровождение, не очень стройно запели:

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...*

И такой мирной жизнью пахло от этих слов, словно и не было вокруг войны, погибших товарищей, сожжённых деревень, прошлых и будущих боев с оккупантами.

*Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...*

Закончилась песня, и Антонов, который морщился от того, что большинство певцов не попадали в аккомпанемент, без всякого перехода грянул краковяк.

Все, кто имел пару и кто не имел её, пустились в пляс. Кто-то топал ногами в такт музыке, кто-то прихлопывал себя по бокам, а кто-то вообще решил пройтись впрысядку.

— Русский, немец и поляк танцевали краковяк...

Все грохнули от смеха. За два года войны в сознании каждого партизана чётко отложилось, что одновременно свести в танце представителей этих национальностей невозможно. Правда, если поляка, танцующего с русским, ещё можно было представить, то того и другого с немцем — никогда.

Закончился танец, и Грахович запел:

*От паняделка да паняделка
Дробный дождь иде-е...
Са-абралася бидна босота
Мёд, гарэлку пше...*

Все дождались, когда он закончит куплет, и вместе с ним повторили последние две строчки.

После этого Антонов опять заиграл краковяк. Веселье продолжалось до темна. Потом партизаны выкурили по самокрутке и разошлись по землянкам.

После свадьбы Миши жизнь наша не изменилась. Мы по-прежнему уходили на задания, на 2–3 недели, отмеряли по сотне километров от базы до шоссе или железной дороги, до крупного гарнизона противника. Мария каждый раз провозжала Мишу.

Шли они вдвоём, отстав от группы. О чём говорили, можно было только догадываться, но я ни разу не видел у неё слёз, а Мишу — угрюмым. По всему было видно, что она для него — источник радости и веры.

* * *

Самолёт, пробив облака, пошёл на посадку. И опять все напряглись, ожидая, когда он коснётся посадочной полосы. Когда это произошло, все с облегчением вздохнули, однако аплодисментов на этот раз не было.

На выходе из аэропорта меня ждал Андрей. Мы отбились от профессиональных вымогателей-таксистов и прошли к “Пежо” красного цвета.

Я попросил у Андрея мобильник и набрал нужный номер.

— Коллеги из Минска, — пошёл я проверенным путём, — я звонил вам вчера.

- Да, я помню, — сказал Богомолов.
- Мы в часе езды от вас.
- Вообще-то я занят, но если вы подъедете сейчас, полчаса я вам уделю.
- У нас есть полчаса, — сказал я Андрею.
- Нормально, — ответил он.
- Ты не захватил книгу, чтобы взять автограф?
- Нет, — сказал он, — я хочу его спросить...
- О чем?
- Об основном движении при “качании маятника”.
- А из книги ты этого не понял?
- Нет.
- Ну, что ж, спрашивай, только тактично.
- Трудно тактично спросить человека о том, что...
- Что?
- О том, что его способ “качания маятника” никуда не годится. Нет достаточной устойчивости.
- Андрей знал, что говорит. Он был автором одной из методик подготовки к стрельбе спецназовцев.
- Вот и спросишь его об этом.
- А это удобно?
- Если ты сделаешь это не с порога, а выбрав нужный момент и в уважительной форме, я думаю, будет удобно.
- Возле метро “Проспект Мира” мы оставили машину и стали искать нужный нам дом.
- Когда поднялись на двенадцатый этаж, было ровно двенадцать. Помня, что у нас полчаса, я постарался быть предельно кратким.
- Мой коллега и наш выпускник, — сказал я, представив Андрея.
- Проходите на кухню, — ответил хозяин дома.
- Я видел его на фотографиях, но не ожидал, что он такой крупный. Однако ощущения скованности, какое бывает при встрече с незнакомыми людьми, у меня не появилось. И объяснялось всё просто: хозяин был уверен в себе, и эта уверенность передалась нам.
- Андрей передал хозяину коробку белорусских конфет и сказал, что это для хозяйки. Богомолов поблагодарил.
- Сразу хочу извиниться, — сказал он, — но я жду друга, чтобы передать ему конскую колбасу. Мне её подарили почитатели, а я конину на дух не переношу... Я ею объелся на фронте у вас в Белоруссии.
- Мне хотелось защитить конскую колбасу, которая никого отношения к конине не имела, но я сдержался. Хозяин между тем поставил на плиту металлический чайник, а на стол — чашки, сахарницу и тарелочку с печеньем.
- Пока он делал это, я решил не терять времени:
- Ещё раз просим прощения, — сказал я, — есть у меня задумка написать сценарий неигрового фильма о прототипах героев вашего романа.
- У меня есть опыт съёмок по мотивам моего романа, — сказал он, — не очень удачный... если не сказать больше...
- Разговор неожиданно перешёл в то русло, которое не имело к нашему визиту никакого отношения. Но нам ничего не оставалось, как выслушать хозяина, дать ему возможность выговориться. Была при этом робкая надежда, что в этом монологе прозвучит ответ и на мой вопрос. Но, видимо, мы все говорим лишь о том, что нам близко и больно.
- Все режиссёры, — подвёл он итог, — снимают *свои* фильмы и не хотят видеть, что литературная основа их — совершенно иная.
- Абсолютно с вами согласен, — ответил я, — но это объективные законы кино, и от них никуда не деться. Другое дело, если у кого-то из режиссёров есть свои тайные задумки и ожидания, которые он хочет реализовать в картине...
- Итак, что за идея? — вернул нас к теме визита Богомолов.
- У меня появилась идея снять фильм о прототипах ваших героев.
- Каких?
- В частности, Таманцева.

— У Таманцева не было прототипа.

— Вообще не было? — удивился Андрей, который в детстве бредил Таманцевым.

— У меня, — медленно произнёс Богомолов, — не было прототипов положительных героев...

— А отрицательных? — спросил Андрей.

— А вот отрицательных были... Точнее, был. Например, прототипом Мищенко стал известный диверсант Грищенко. Кстати, на этой фамилии появились спекуляции.

Раздался звонок в дверь. Хозяин пошёл открывать, а я посмотрел на часы. Наше время истекло, и если это приехал друг, то нам надо откланиваться. Тут из прихожей на кухню вошел хозяин с новым гостем.

— Слава, — сказал Богомолов гостю, — у меня коллеги из Белоруссии, так что я тебе отдам колбасу, а об остальном поговорим в следующий раз. Хорошо?

Слава, а по возрасту он был ровесником хозяина, кивнул головой. Богомолов достал из холодильника колбасу, передал её Славе, проводил его до лифта, а затем вернулся к нам.

— Один из не очень... — здесь Богомолов сделал паузу, — нормальных людей недавно прислал мне телеграмму, что на родине Грищенко под Ростовом ему поставили памятник. Причём мне это было преподано как инициатива земляков в пику моим положительным героям.

— Прототипам положительных героев?

— Нет, именно положительным героям. Поскольку реальных прототипов ни у Алёшина, ни у Таманцева, ни у Блинова не было. Это собирательные образы... Давайте пить чай.

Мы стали пить чай и говорить на темы, не связанные ни с кино, ни с литературой.

Настало время откланяться.

— А если, — сказал я, — у кого-то появится желание дать средства на фильм о человеке, который, будучи взрослым, играл в ваших героях, я могу надеяться на несколько фраз перед камерой?

— Нет, — отрезал Богомолов, — это для меня не представляет ни писательского, ни человеческого интереса.

Трубник

Три попытки подобраться к железнодорожному полотну — три неудачи. Первый раз нам помешали немецкие секреты, второй раз диверсионная группа партизан, которые вышли на полотно раньше нас, третий раз мы напорлись на двойные фашистские секреты.

И если бы немцы не поторопились оторвать огонь, трудно сказать, чем бы для нас закончилась эта вылазка. Отстреливаясь, мы отошли. На наше счастье, никого не потеряли.

Стало ясно, что подходы к полотну в этом месте изучались нашими связными неважно. Но и претензий к ним быть не могло: против них играли профессионалы.

Время, отведённое на очередную операцию, подходило к концу. Но возвращаться на базу без результата было не в наших правилах. Что делать?

— А не использовать ли нам резервный вариант? — предложил Кашин. У нас действительно был такой.

Связные отмечали постоянное движение двух машин из села Дохудаево через Смолзавод в деревню Радица, где немцы сооружали зенитную установку.

Детально обсудили план операции в хате одного из крестьян, где нам пришлось ждать наступления ночи.

— Принимается, — сказал Шаповал, подводя итог разговору.

— А сколько их там? — спросил вдруг Антонов.

— Подсчитаем в бою, — ответил Шаповал.

— Их не должно быть более двадцати, — заметил Кашин.

— Значит, будем рассчитывать на двадцать человек, — согласился Шаповал.

— А это не много на шестерых? — засомневался Антонов.

— Ну, какой же ты партизан, если не справишься с четырьмя фашистами, — полушутя-полусерьёзно говорит Миша. — На нашей стороне внезапность, напор, наконец, опыт...

— Всё это хорошо, — говорю я, понимая, что Шаповал раздосадован нашими неудачами. — И опыт за нас, и внезапность. Но мы всё-таки играем в самодеятельность, плохо знаем вооружённость противника...

— Да, тут ты прав, — говорит Миша. — Но я забыл сказать, что на эту самодеятельность к нам просятся двое партизан из отряда имени Суворова.

— Кто же это? — спросил Кашин.

— Комвзвода Бакулин и его постоянный спутник Хадосевич.

Сергея Бакулина мы хорошо знали, да и Хадосевича — тоже, пути наши пересекались много раз. Мы были осведомлены об их делах, они — о наших.

— Тогда это другое дело, — примирительно говорит Антонов.

— А чего они здесь? — спрашивает Львов.

— Пошли за разведанными в один из гарнизонов. Сегодня ночью будут возвращаться и зайдут к нам. Так что ночь отдыхаем, а на рассвете уйдём в лес.

— Где будем делать засаду? — спрашивает Кашин.

— Засаду сделаем между Смолзаводом и Радицей, в перелеске. Лес у дороги, где ходят машины, не вырублен. Поедем на двух упряжках, в каждые сани — пару лошадей, — говорит Шаповал.

— А если не пройдут лошади? Снег-то глубокий?

— Ориентируемся на месте...

Готовимся ко сну, уже проверили оружие, гранаты, всю нехитрую экипировку. В 23 часа стук в окно, и в хату вместе с облаком пара вваливаются “суворовцы”:

— Принимайте гостей! Да вы тут неплохо устроились, приятный запах борща, — говорит Бакулин. — Перекусить найдётся что-нибудь?

— Для хороших людей — ничего не жалко, — отвечает Антонов.

Сегодня он главный кашевар. Антонов расставляет на столе миски.

Пять часов тридцать минут — мы уже в саниах. Едем, немного прохладно. Ребята жались, не столько от холода, сколько от неизвестности.

Однако приехали мы напрасно, следов от машин нет. Надо возвращаться, но днём это делать нельзя: кругом немецкие гарнизоны, заметят — тогда операции уже не провести.

— Повторим заход, — говорит Миша, — а до вечера побудем в лесу.

— Костров не разводите... Сало не жарить, — подхватывает Кашин. Все улыбаются, поскольку знают — еды у нас нет. Уходим к лошадям. Греемся, прыгая вокруг саней или затевая борьбу друг с другом. К вечеру изрядно устаём, но благо — зимний день короток.

Возвращаемся на свою стоянку. Горячий ужин, провальный сон, подъём, и опять та же дорога. Всхрапывают лошади. Едем к магистрали.

Есть следы машин. Но сколько их прошло — понять трудно. Если больше двух, то справиться с ними будет тяжело. Делимся на две группы и прячемся в кустарнике. Полагаем, что нас с дороги не видно.

— По команде “к бою” выбегаете к сосне и расстреливаете тех, кто сидит в кузове, — говорит Шаповал, — остальные работают с теми, кто в кабине. Они же выводят машину из строя.

Шаповал выставляет дозор, следовательно, всем остальным можно подремать. Неожиданно для себя я засыпаю, и тут же чувствую толчок в бок.

— Машина, — говорит мне Бакулин.

Действительно, до нас доносится звук работающего мотора.

— Метров пятьдесят, — говорит Бакулин.

Гул машины становится всё отчетливей. Мы с Бакулиным перебегаем к сосне. Берём оружие на изготовку...

— Как только... — произносит Бакулин.

— Знаю, знаю.

Машина поравнялась с нами. Стрелять с Бакулиным мы начинаем одновременно и без какой-либо команды. Мы точно братья-близнецы не нуждаемся в сигнале для того, чтобы действовать одновременно.

Сидящие в кузове мгновенно падают. Тут же раздаётся стрельба со стороны основной группы. Чувствуется, что машина потеряла управление, хотя ещё движется по инерции. Но вот она прошла метров десять и остановилась.

Но это ещё не конец. Раздается команда:

— Фоер!

Оставшиеся в живых немцы приподнимаются над бортами, и отвечают нам автоматным огнём. Затем снова скрываются за бортами — стреляные воробы.

Я и Бакулин продолжаем стрелять по кузову. Но стоит нам прекратить огонь, как снова раздаётся команда:

— Фоер!

Противник отвечает огнём. Кто-то толкает меня в бок. Это Шаповал. В это время с его головы пуля срывает кубанку. За дальним от нас колесом устроился автоматчик. Я стал обходить машину, но он, поняв маневр, бросился бежать.

— Хальт, — ору я.

Но он не останавливается и бежит в лес, в одной руке у него автомат, в другой портфель. Понимаю, что мне его не догнать. Останавливаюсь и с колена стреляю. Попал. Подхожу ближе — офицер. Лежит лицом вниз. Времени на изучение его нет, забираю портфель и автомат. Ухожу. Со стороны Смолзавода слышатся автоматные и винтовочные выстрелы. Подхожу к машине. Ребята выбрасывают из кузова трофеи.

— Бери, Вася, что можешь.

— Много не могу, — отвечаю, — а кое-что возьму.

Тут же на меня вешают два автомата, медицинскую сумку, боеприпасы. В руках у меня портфель.

— Отход, — командует Миша.

Мы быстро уходим в сторону леса. Но уже через двадцать метров засветили и защёлкали по стволам деревьев пули от одиночных винтовочных выстрелов, а затем ударили автоматные очереди.

Подбегаем к лошадям. Все в сборе. Подсовываю портфель под солому и сажусь на него. Лошади, несмотря на то, что застоялись, взяли дружно. Несут нас изо всех сил подальше от преследователей. Стрельба не стихает. Отъехав километра четыре, сворачиваем круто направо и по балке спокойно въезжаем в деревню.

На стоянке открываю портфель.

Ба! Там яичница вперемежку с кусками мыла и стеариновыми свечами. Но в другом отделении портфеля карта минных полей, чертежи блиндажей и сооружений вокруг зенитных установок — того, что, видимо, строили немцы.

Осень. Темные ночи. В лесу сыро, пахнет прелостью. Птиц уже не слышно. Тишину притихшей деревни нарушает лишь собачий лай да редкое мычание коров. Даже не верится, что идёт война. Но об этом постоянно что-либо напоминает. Вот и сейчас взлетает ракета, слышится пулемётная очередь, и всё становится на свои места.

Мы идём из деревни Прудиче Смолевичского района, где была наша временная стоянка, в деревню Осовец. Идём тихо, каждый размышляет о своём. “Наверное, суждено мне жить”, — думаю я.

Припомнилось, как в Прудичах мы стояли в сених одного дома, прислонившись к косяку, и беседовали с Мишей Любимовым. Он шутил, рассказывал анекдоты. И вдруг высоко в небе показалась итальянская “рама”.

— Высоко летают, — заметил я. — А кого боятся — непонятно: зениток и артиллерии у партизан нет, да и партизаны здесь появляются редко.

— Почему нет, — возразил Миша, — есть зенитная артиллерия — спаренный пулемёт на вращающемся комле. А ты, между прочим, отойди от двери, а то неровен час...

И только он это сказал, как свистнули пули и воткнулись в стену позади нас... Смерть была в нескольких сантиметрах.

— Значит, не судьба сегодня, — философски заметил Миша, осматривая пулевые отверстия.

Мои размышления прервал шедший впереди проводник. Он остановился и предложил несколько вариантов подхода к автомагистрали Москва—Минск.

Долго совещаемся, каждый выдвигает свои доводы. Наконец, решаем идти через деревню Осово. Один конец этой деревни упирается в лес, а другой выходит к автомагистрали. Здесь немцы меньше всего могут ожидать появления партизан.

Провели разведку: неприятеля в деревне нет. Проходя мимо школы, увидели свежие следы её погрома, зашли. На полу — разбитые стекла, разорванные тетради и учебные пособия. Я взял в руки глобус. Он был без ножки и со следом сапога на помоям боку. И так мне стало его жаль, словно это было близкое мне живое существо, безмолвное и беззащитное.

— Изверги, — говорит Степа Иванников и добавляет крепкое словцо. — Что делают...

— Чума, — в тон ему отвечает Володя Пашкевич.

Открываю дверь в учительскую, и невольно останавливаюсь. Там на стене висит новенькая гитара. Как она могла уцелеть?

— Возьмём, — говорю Мише Шаповалу. — Антонов её быстро освоит, у него слух музыкальный.

Миша думает, а потом говорит:

— Не сейчас...

— А на обратном пути?

— Если... — говорит Миша, но тут же спохватывается, наш негласный кодекс не позволяет говорить о худшем, тем более накануне операции.

— Что скажет командир? — спрашивает Пашкевич.

— На обратном пути.

К магистрали подходим метрах в трёхстах от деревни, чтобы не навлечь впоследствии карателей на её жителей.

— Ребята, — говорит Миша, — наша задача — оседлать магистраль и вырубить полметра кабеля, соединяющего ставку Гитлера с фронтом. Провод проложен на глубине 75 сантиметров вдоль правой стороны магистрали, если смотреть на восток.

Миша — профессиональный связист и знает, что говорит.

— Трое будут рыть, а по двое пойдут в боковые охранения, — даёт команду старший группы.

Начинаем работать кирками и лопатами. Но проходит десять минут, и правое охранение в минском направлении замечает патруль. Новички, входящие в группу, без приказа покидают магистраль, за ними следуют и другие. Мы с Шаповалом не сразу понимаем, чем вызван переполох. Но сработал рефлекс: сначала укрыться, а потом оценивать обстановку. Залегли в кювете. Через несколько минут видим в тумане колонну людей, точнее, только её начало. Миша прицеливается, то же самое делаю я.

— Миша, — говорю ему шёпотом, — мы не знаем, сколько их. Если много, они нас прижмут, отступать будет некуда, кроме как через болото. Давай чуть отойдём.

Миша кивает в ответ, и мы отбегаем в тень большого ветвистого дуба. Колонна идёт спокойно. Впереди двое, — видимо, офицеры. На наше счастье, за дубом небольшая воронка от снаряда. В ней мы укрыты надёжно. Хвоста колонны по-прежнему не видно.

— Давай пропустим часть колонны, а потом дружно ударим, — шепчет Миша. — Я по голове, а ты — по хвосту.

Фашисты идут не спеша, тихо переговариваются. Автоматы держат на руке, чуть опустив, впрочем, у многих они на плече или на груди. Это хорошо видно, поскольку они идут почти рядом с нашим укрытием. Голова колонны минует нас, и мы открываем огонь.

Наше оружие работает чётко. На дороге вопли, крики, стоны. Миша перезаряжается, а я продолжаю стрелять — у меня в диске 71 патрон. Но вот на дороге не остается никого: уцелевшие скрылись за насыпью. Раненые и убитые лежат на дороге. Противник приходит в себя: надо отходить.

Но уйти нам удалось только метров на тридцать. Взвывается ракета. Падаем. Миша бьётся ногой о пень и тихо ругается. Светло, как днём, а то и лучше. Замечаем несколько пней и небольшое углубление. Видимо, лес вырублен недавно. Поворачиваемся в сторону противника. Начинается стрельба в нашу сторону. Сначала редкая, а потом дружная. Огонь ведётся из автоматов. Но вскоре подключается ручной пулемёт. Часть пуль трассирующая. По ним судим о направлении огня противника. Стреляют в нашу сторону, значит, заметили, но пули летят выше. Отползаем ещё на несколько метров. Гаснет ракета. Мы срываемся с места. Миша сильно хромает. Снова ракета, и мы снова падаем, ползём, понимая, что постепенно неприятель приходит к себе и ведёт всё более прицельный огонь. На наше несчастье, из-за туч выходит луна, освещает местность не хуже ракеты. Добираемся до ближайшего овина. Видим, что на дороге появился броневик, и первым же выстрелом попадает в овин. Начинается пожар.

Положение критическое. Мы как на блюдечке, да ещё освещены луной, пожаром и ракетами. Почему-то опять вспоминаю одиноко висящую на стене учительской гитару.

Бежим дальше. Останавливаемся, убеждаемся, что преследования нет. Но стрельба по-прежнему очень плотная. Снаряды ложатся веером вокруг нас, летят в сторону деревни.

— Почему не преследуют? — спрашивает Миша.

— Наверное, оказывают помощь раненым, убирают убитых — это же магистраль. Да и засады боятся: знают тактику партизан.

Бежим дальше, минуя деревню, к лесу. Миша хромает всё сильнее. Вот уже и окраина, и одиноко стоящая школа.

— А гитара, Миша? Не оставлять же её фашистам.

— Ты видишь, какой огонь? Вдоль деревни. А школа на противоположной стороне. Схватишь шальную пулю.

— Я попробую.

— Тогда идём вместе.

Перебегаем улицу напротив школы. Не зацепило, пронесло. Вбегаем в школу, в темноте находим учительскую, берём гитару. Идём обратной дорогой. Бежим. Группу мы, разумеется, потеряли. Вот пролесок заканчивается, начинается настоящий лес. Можно чуть расслабиться. Но что это? Перед нами вооружённые люди. И сразу понятно, что это не жители деревни. Они, как по команде, приседают на одно колено и берут оружие на изготовку. Рой мыслей пронесется в голове, самая главная: “Кто это?”

Мы падаем и также изготавливаемся к стрельбе.

Идут мучительные секунды. Противник огня не открывает. Молчим и мы.

— Кто вы? — наконец, произносит Миша.

В ответ молчание.

Миша твёрдым голосом командира, за которым минимум взвод, повторяет вопрос.

В ответ молчание. Лежим, проходит не одна минута.

— Уходим, Миша, назад, к лесу, — говорю я ему, — хватит лежать. Чего доброго, это каратели.

Полусогнувшись, отходим назад, держа оружие наизготовку. Понимаем, что мы видны. Но по нам не стреляют. Не стреляем и мы: авось, пронесёт. Вот и лес. Спокойно. Решаем обойти подальше неизвестных и вновь заходим в деревню.

Тут же натываемся на своих. Ребята чувствуют свою вину, тараторят:

— Где вы пропали? Что за бой рядом с деревней? Мы беспокоились за вас. Думали, что вы напоролесь на засаду, — говорят они, перебивая друг друга.

— Не все сразу, — останавливает их Шаповал.

Ребята замолкают.

— Знаете, почему погиб Василий Иванович Чапаев? — с лёгкой иронией спрашивает Шаповал.

Ребята опускают головы.

— То-то, — говорит Шаповал, — но не переживайте, за одного битого двух небитых дают. Идём отсюда...

Тут Володя Пашкевич замечает гитару.

— О-о! Да вы гитару не забыли!

— Не забыли, — говорю я ему, — на, неси...

Володя берёт гитару. Идём в лес подальше от деревни, от боя.

Слышу, как сзади Володя спрашивает кого-то.

— А почему погиб Чапаев?

— Потому что в дозоре у него раздолбаи были, — отвечают ему.

Когда мы отошли достаточно далеко, Антонов взял у Пашкевича гитару, чуть подстроил, и мы пошли дальше в лес, распевая хриплыми голосами:

*На границе тучи ходят хмуры,
Край суровый тишиной объят...*

Через день я и Шаповал вернулись в деревню Осовец, чтобы узнать о том, что же произошло. Из рассказов местных жителей и информации связанных мы установили, что нам удалось вывести из строя около десятка солдат противника.

На следующую ночь нам удалось перерубить кабель, идущий вдоль магистрали. А по возвращении в отряд нас с Мишей ждала благодарность от командования за смелость и находчивость.

* * *

День после командировки я отсыпался, затем пошёл в редакцию.

— О, какие люди, и без охраны, — сказал главный редактор, — ждём материал.

— Материала не будет, — ответил я ему.

— Почему?

— Я налетел на “пустышку”.

— Давай подробнее...

— Герой, скорее всего, трансформировал легенду в биографию...

— То есть врал?

— Скажем мягче — преувеличивал.

— Ясно. А ты не подумал, что можно написать очерк о том, как этот мужик придумал себе... героическую биографию.

— Можно, но...

— Никаких “но”! Если не будет публикации, мы не сможем дать тебе компенсацию, это — во-первых, а во-вторых, так даже интереснее. Да-да, и, пожалуй, будет похлеще, чем у Шукшина... Помнишь Броньку Пупкова, который должен был расстрелять Гитлера?

— Дался вам этот Пупков.

— Ты не отказывайся, подумай.

Потом был звонок с киностудии.

— Ты вернулся?

— А что, меня хотят пригласить на главную роль в сериале с названием: “Несправедливая справедливость”?

— Нет, — ответил мне редактор студии документального кино. — Формируем портфель на ближайшие годы. Нужна заявка на военный или имеющий отношение к войне фильм.

— Могу написать сценарий о своем путешествии на Дальний Восток, в поисках прототипа богомолковского Таманцева.

— Кому это интересно?

— Мне.

— А ты мог бы прямо сейчас в двух словах изложить суть?

— Пожалуйста. Живёт на земле крутой мужик, но все не считают его крутым, потому что стереотипы героя у его окружения иные. И тогда он дотягивает свою биографию до этих стереотипов.

- Знаешь, всё хорошо, но нет драматургии. Ничего не попишешь, старик, кино — это зрелище.
- Вот это и не даёт возможности в ряде случаев передать на экране...
- Да хватит тебе, — перебил меня невидимый собеседник, — не завидись. Лучше расскажи, как там, в России?
- Да всё то же, только люди порезче, расстояния побольше и проблемы поглобальнее.
- Ясно, но ты всё-таки подумай.

Трубник

Трижды пытались уничтожить фашисты нашу партизанскую бригаду. Делалось это обстоятельно, с немецкой педантичностью. В зону приходили войска. Близлежащие деревни выселялись во временно организованные концентрационные лагеря. Район блокировался, и начиналась охота на партизан.

Последний раз бригада была заблокирована весной 1944 года. Артиллерия, танки, пулемёты через каждые пятьсот метров. Самолёты постоянно бомбят расположение отрядов бригады. Прорваться через такое кольцо практически невозможно. Разбившиеся на группы партизаны уходили от поисковых подразделений противника налегке: ни пищи, ни связи. Ели павших лошадей, питались клюквой, заячьей капустой, шишками, корнями растений.

С опушек леса периодически слышалась речь на русском языке, впрочем, если это можно назвать русским языком. Партизанам сообщались последние новости. Вот и сейчас слышно:

“Манька, Ванька! Сдавайтесь! У нас в плену командир бригады Гамза, начальник штаба Подобаев, начальник разведки Шаповал. Шаповал ранен. Ему оказана помощь. Все, кто сдался, накормлены, помылись в бане. Не бойтесь. Вам будет дарована жизнь”.

Правдой в этой психологической акции было лишь то, что Михаил Шаповал действительно был ранен. Мы несём его на носилках, постоянно уклоняясь от поисковых групп противника.

Прошли какой-то отрезок пути, остановились, прислушались: нет ли рядом немцев? И все же просмотрели одну из групп. Пулемётная очередь, и сквозь редкий пролесок уже видны серые мундиры.

Некогда думать и оценивать случившееся. Бросаем носилки и вместе с Шаповалом лезем в болото. Кашин накрывает голову кочкой, а Михаилу кочек не осталось, и он маскируется сорванными на берегу листьями лопуха.

Немцы выходят на поляну перед болотом. Брошенные носилки их раздражают, они начинают искать: рыщут вдоль болота, стреляют в подозрительные места, затем уходят.

Выбираемся на сухое место. Никто из нас не пострадал. Мише совсем плохо. Снова укладываем его на носилки и несём дальше. Он то приходит в сознание, то впадает в забытё.

Несколько месяцев назад отрядный врач освободил Марию от длительных переходов и походов, и её прикрепили к кухне. Мария ждала ребёнка. Как радовался этому Миша! И, казалось, ещё немного — и всё, кончится оккупация, и все заживут... Но, видно, не судьба...

Находим остров, чтобы в его в зарослях скрыться от вражеских самолётов. Миша снова открывает глаза:

— Пристрелите меня, — тихо говорит он, — мне все равно не выжить, а из-за меня вы все погибнете.

— Ерунда, Миша, — говорю я ему, — не из таких сетей выбирались.

Хотя сам понимаю, что в такую передрыгу мы ещё не попадали ни разу.

— Дайте пистолет... Я сам, — тихо произносит наш командир.

— Вспомни нашего врача — Моисея Абрамовича, мудрый был старик. Что он говорил? Минута жизни — тоже жизнь, крепись...

Когда мы подошли к острову, Миша уже в сознание не приходил. На острове под защитой болот и кустарников было чуть спокойнее, но в отряде почти не осталось продуктов. Теряем силы, начинаются голодные отёки.

Командование отряда принимает решение идти на прорыв. Эстафета начальника разведки от Шаповала переходит ко мне. Собираем остатки съестного и оставляем их Мише. Уходим. С Мишей на одном из многочисленных островков Домжерицких болот остаются Мария и Костя Кашин.

Уже отойдя на некоторое расстояние, соображаю, что может произойти в ближайшее время. Возвращаюсь и отдаю из санитарной сумки несколько упаковок бинтов, вату и марганцовку.

Прорыв мощной блокады малыми силами, ослабевшими от голода людьми, с дефицитом боеприпасов был равен одному шансу из ста. И этот шанс нам выпал.

Остатки отряда с боем вышли из окружения. А через две недели мы соединились с частями Советской Армии. Сразу же за Михаилом и его спутниками послали повозку с бойцами отряда. Их привезли в страшном состоянии, Мария и Костя едва держались на ногах. Миша лежал на носилках и слабо улыбался. Он преодолел кризис, справился с болью, потому что рядом была она. У них родился сын. Через месяц партизанский отряд расформировали. Большинство партизан ушло на фронт. Мишу в армию не взяли — он был признан инвалидом.

— Миша, — сказал я ему, — всё время я думал, что ты подрывник, отправленный с Большой земли в партизанский отряд для проведения диверсий.

— Нет, — возразил мне Миша, — я человек гражданский, монтёр по специальности.

Мы уходили на фронт, в регулярную действующую армию, и прощались со своим командиром. Всем почему-то вспомнился тот трагический эпизод, когда во время последней блокады чуть было не погибли, столкнувшись в лесу с поисковой группой противника.

Каким-то чудом было то, что немцы не обратили внимания на “растущий” посередине малого болотца куст лопуха, которым была прикрыта голова Шаповала.

— Твоё счастье, Миша, — говорили все, — что немцы не знают, что лопух на болоте не растёт.

* * *

Вечером я позвонил ещё по одному телефону. Мне казалось, что этот разговор расставит всё по своим местам. Здесь осечки быть не могло.

— Я буду дома завтра после обеда, — ответил знакомый голос, — можешь подойти часам к пятнадцати.

На следующий день ровно в пятнадцать я набирал код подъезда в большом доме по улице Столетова.

— Сколько лет, сколько зим, — сказал хозяин, которому было уже за семьдесят, но назвать его стариком не поворачивался язык. Он был одет по-домашнему: в спортивный костюм и тапочки с загнутыми вверх носами. Это Геннадий Владимирович Юшков — герой одного из моих сценариев. Он начал войну мальчишкой в Минской области, затем воевал в тылу врага в Восточной Пруссии, а после войны окончил школу НКВД и боролся с бандподпольем в Западной Белоруссии.

Пожалуй, это был единственный человек в моём окружении, кто мог помочь выпутаться из создавшейся ситуации.

— Да не так уж и давно, — ответил я, вынимая из пакета шоколадку и бутылку коньяка, — это в бар...

— В бар так в бар, — сказал хозяин, — проходи в комнату.

Комната напоминала музей, причём, в первую очередь, — восточный. Поскольку я оказался в этом музее впервые, хозяин стал рассказывать, что он объездил весь мир, но почему-то его поездки в Корею, Китай, Вьетнам запомнились больше всего. Именно потому он привёз оттуда множество сувениров. Это были шкатулки, картины, статуэтки из различного материала — от эбенового дерева до слоновой кости.

Я слушал его и удивлялся. Может быть, именно его тяжёлое голодное военное детство, в котором он не раз видел смерть других людей и не раз

рисковал собственной жизнью, пробудило в нём такой интерес к людям? Причём к людям других культур.

— Ладно, — сказал он наконец, — соловья баснями не кормят, ты тут посиди, а я чай приготовлю.

Я уселся на стул и стал рассматривать картины, привезённые хозяином из Китая. На них были изображены странные деревья, что-то среднее между саксаулом и ракитой. Я никогда не был в Китае, но видел множество картин, на которых красовались именно такие деревья. Что это? Китайская флора или художественный символ страны? Пока я раздумывал, появился Геннадий Владимирович с подносом, на котором были грибы в маленькой пиалке, бутерброды с сыром и колбасой, две рюмки.

— А где же чай? — спросил я.

— А чай будет потом, он сейчас заваривается.

Хозяин достал из шкафчика бутылку необычной формы и сказал:

— Корейская, ты такой никогда не пробовал и не видел.

Юшков разлил водку по рюмкам, мы выпили.

Вкус её был непривычен:

— Сказать, что приятная, не могу...

— И не говори! Водка она и есть водка, напрасно ждать от неё приятности. Это не настойка, не вино, которые можно оценивать на свет, греть в руках, вдыхать букет, пробовать на вкус... В водке весь смак в результате, а не в процессе потребления...

— Наверное, это так, — подтвердил я, — а вам во время войны — в партизанском отряде и там, в Восточной Пруссии, — приходилось пить водку?

— Приходилось, но у меня никогда не было тяги к ней — ни тогда, ни в дальнейшем. Хотя, как ни странно, выпить я мог много, но пил очень редко.

Помолчали.

— Что тебя сегодня привело... — спросил он.

— Попал я в интересную ситуацию. Столкнулся с описанием того, что сейчас называют партизанщиной.

— А именно?

— Читаю дневник одного из партизан и вижу, что операции проводились с большим риском одной группе подставить другую. Разведку каждая группа осуществляла сама, не было единого координирующего центра, чтобы “развести” их при необходимости.

— А как ты вышел на автора дневника?

— Здесь ещё более интересная история. Пограничники поделились информацией, что на Дальнем Востоке живёт прототип богомолковского Таманцева.

— И он действительно там живёт?

— Он там жил, но вряд ли он был прототипом. Хотя мне непонятно, почему этот сильный мужик, имеющий два ордена за Сталинград, приписал себе ещё и операции “Смерша” в Белоруссии.

— Как бывший следователь бывшему следоку, — сказал он. — Ты знаешь, кто по статистике больше всего осуждался за разглашение секретных сведений?

— Догадываюсь, — сказал я.

— Правильно догадываешься — это мужчины. Так что ты и сам мог ответить на этот вопрос. А насчёт партизанщины... Это было народное движение. И как его ни пытались привести к какой-то стройной организации, стихийность в нём всё время выпирала. Упорядочить всё это было тяжело, даже невозможно. Впрочем, если б это случилось, то, может, и движения никакого бы не было. Всякое тогда бывало. Хотя к сорок третьему всё стало более или менее управляемым. У партизан ввели военную структуру. Отряды разделили на роты, роты — на взводы, а последние на отделения и группы.

Командиры отвечали за всё — боевые операции, поведение своих подчинённых, контакты с населением. Сбором продуктов после сорок третьего года занимались только хозяйственные взводы, всем остальным было запрещено делать это.

— И это исполнялось?

— Да, и контролировалось жёстко, по-военному. В соседнем отряде был такой случай. Вернулся из рейда партизан на лошади, а вместо седла — красивый коврик.

— Где взял?

— Да, так, — говорит, — в одной деревне.

Стали разбираться и выяснилось, что он самовольно заехал в деревню и отнял коврик у одной женщины, муж которой был в партизанах. Парня в назидание другим судили и расстреляли.

— Да-а...

— Вот тебе и “да”... Давай ещё по одной...

Мы выпили ещё по одной.

— Вот ты говоришь, что этому прототипу не хватало? А, наверное, и не хватало признания. Воевал мужик, всё видел, а потом писатели стали описывать войну не совсем такой, какой она была на самом деле. Появились литературные герои, и они заслонили реальную войну и реальных героев. Вот и обиделся мужик, и чуть-чуть подправил свою биографию, дотянул её до неких образцов массового сознания.

— Да, это я и сам понимаю.

— А в чём вопрос?

— Что с этой информацией дальше делать?

— А это ты уж сам решай, не перекладывай на чужие плечи. А что касается операций... — продолжил прежний разговор хозяин. — Вся правильность их с позиций военного искусства тоже появилась потом, после войны. Когда в учебных заведениях все те операции превратились в схемы, а схема от жизни отличается, прежде всего, правильностью... А ты прочитал дневник и видишь, что всё там происходило неправильно...

— Значит, всё идёт не от...

— Да, всё идёт от идеализации войны, от идеализации партизанского движения, а идеализация всегда плохой помощник...

— Почему?

— В ней есть элемент того, что в реальности не могло существовать, то есть...

— То есть вымысла.

— Да, вымысла, но вымысла, который порождён конъюнктурой времени...

Так, слово за слово, мы допили бутылку, но вопреки известной поговорке, что без бутылки — не разберёшься, так ни в чём и не разобрались.

Просто стали говорить сумбурнее, перебивая друг друга...

Первым решил поставить в этом точку мой собеседник.

— Ладно, — сказал он, — подведём маленький итог...

— Подведём, — согласился я.

— Первое. Что тебе делать с полученными материалами — решай сам.

— Угу, — сказал я и сделал вид, что загибаю палец.

— Второе... В любом случае, ты не суди их строго, они свою миссию выполнили, и самое интересное, выполнили отнюдь не по чьей-то указке...

А то, что они не вписываются в какие-то стандарты героев или схем негласной работы, то это потому, что схемы эти слишком правильны, а значит, нежизненны, да и появились они спустя целое поколение... Понял? Пойдём, я тебя провожу и по дороге расскажу ещё один случай...

* * *

Домой я пришёл в полном смятении, сказал жене, что сильно устал, и завалился спать, рассчитывая утром принять решение. Но спрятаться за рассвет не удалось. Утром позвонил главный редактор.

— Ну, — пробурчал он вместо приветствия.

— Не запряг, — ответил я ему.

— Пытаюсь запрячь, — перевёл он всё в шутку, — что надумал?

— Ничего.

- Ну, вот. А я полагал, что ты уже набросал черновик статьи...
- Нет, — ответил я.
- Что же ты так просто сдаёшься? Побойдайся...
- Нет.
- Выходит, зря ты съездил за семь тысяч верст, — сказал главный редактор, пытаясь хоть этим меня завести.
- Именно так.
- Дать тебе подумать ещё денёк?
- Нет, всё решено.
- Ну, дело твоё, — сказал он и повесил трубку.

Итак, я отказался, но, вопреки ожиданию, не почувствовал облегчения. А вдруг я поступил неправильно? Может, всё-таки надо было описать историю Коловратова?

Теперь меня стал мучить вопрос: стоило ли отказываться от написания очерка или сценария? Как обычно бывает в таких случаях, начал искать аргументы. Если бы я знал или хотя бы интуитивно догадывался, что эта история приблизит меня, а потом и читателя, к какому-то выводу, который можно назвать истиной, а усвоение этого вывода позволит ему в будущем не совершать ошибок, которые выпали на долю предыдущих поколений, я бы, конечно, не отказался. Но сделать такой вывод я не мог...

А, может быть, дело и не в выводе, а просто в отсутствии некоего штриха, который мне не даётся и который бы подвёл черту и сделал моё повествование законченным в полном соответствии с литературными канонами?

Яд писательства настолько крепко влезся в меня, что я не мог представить читателю материал в необработанной форме, в виде неких путевых заметок с описанием дороги, средств передвижения, а главное — людей, которые встречались мне в пути, как в настоящем, так и в прошлом. Заметок без начала и без конца, без завязки и развязки; заметок в том неправильном и несимметричном виде, в каком не может существовать литературное произведение, но распрекрасно существует сама жизнь, причём ни на секунду не чувствуя себя ущербной.

Юшков

— Знаешь, — сказал мне Геннадий Владимирович, когда мы перешли мост через закованную в бетон речушку Цянку, — в так называемую “перестройку” появилось много произведений о войне, о её страшных и чёрных страницах. Многие писатели и режиссёры совершенно искренне считали, что наступила та “эра милосердия”, о которой писали когда-то братья Вайнеры.

В их книгах и фильмах стала звучать мысль о том, что некая добрая цивилизованная сила пришла к нам, чтобы сделать нас лучше и счастливее, а мы уничтожили её себе во вред, да ещё и радуемся тому, как варварски, не щадя себя, мы это сделали.

Каждый значительный эпизод того страшного противостояния был использован, в том числе партизанская война и все её проявления: и “рельсовая” война, и “мостовая”.

А надо сказать, что ещё в “Войне и мире” Толстой очень образно сказал о *дубине народной войны*. Так вот, сопротивление оккупантам постоянно нарастало, став массовым в сорок третьем — сорок четвёртом годах. Как ни крути, но это было то движение, которое порождало и настоящий массовый героизм. Мы почему-то стали стыдиться его в семидесятых и оплевали в конце восьмидесятых. Многие мальчишки того времени готовы были выполнить любое задание даже ценой своей жизни.

Не был исключением и я. В начале сорок четвёртого Михаил Иванович, наш командир группы, стал собирать информацию об охране Станьковского моста. На последнем этапе на доразведку к мосту послали меня. Я обошёл его, спустился на быки, посмотрел места возможной закладки взрывного устройства. Присмотрелся, как его можно будет доставить к месту будущей диверсии. В общем, сделал всё довольно-таки профессионально.

Одновременно с этим я “заразился” идеей участия в будущей диверсии. Мне казалось несправедливым, если в этой акции не буду участвовать я, причём на её завершающем этапе.

Я прямо-таки стал бредить предстоящей операцией, готов был выполнить всё, что потребуется. Я даже представлял себе, как будут печалиться после моей геройской смерти мои взрослые боевые товарищи.

Однако перед тем как принять окончательное решение, мы получаем информацию от своих связных, что немцы узнали о готовящемся подрыве моста и усилили его охрану.

Мы дополнительно изучили систему их новой охраны и, как опытные в тайной войне люди, разработали несколько вариантов операции. Разумеется, главная роль в ней отводилась мне. Поскольку лет мне тогда хотя и было пятнадцать, но роста был небольшого, а голодное военное детство не позволило набрать более тридцати килограммов веса. Появление на мосту “заблудившегося” ребёнка вряд ли могло вызвать подозрение у охраны.

Стали докладывать Михаилу Ивановичу. Он выслушал всех, потом сказал: — Геннадий, погуляй пока на свежем воздухе.

Я без обиды вышел из землянки и стал ждать решения. Удивительного в этом ничего не было, правда, Михаил Иванович никогда не называл меня Геннадием. Он всегда звал меня просто Геной. Через какое-то время вышли остальные члены группы.

— Ну, что, — спросил я их, — какой вариант приняли?

— Единственно верный, — буркнул Наполеон Ридевский, — операцию проводить не будем.

Я, полагая, что в ходе обсуждения мои старшие товарищи не смогли доказать командиру мою способность снять ножом часового, вошёл в землянку и сказал, что могу это сделать...

— Геннадий, — ещё раз назвал меня так Михаил Иванович, — мы не сомневаемся в этом.

— А в чём же дело? — спросил я.

— Этот мост, — ответил командир, — не стоит твоей жизни.